

ТОМАС ВАЛЬТЕР

**НАСЛЕДИЕ
ГНЕВА**
ЭХО ВОЙНЫ

Наследие гнева: Эхо войны

Томас Вальтер

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Парижский фасад

Глава 2. Тень на Сене

Глава 3. Датский след

Глава 4. Звонок из прошлого

Глава 5. Призраки Софии

Глава 6. Карта ненависти

Глава 7. Белградский гамбит

Глава 8. Точка невозврата

Глава 9. По течению Дуная

Глава 10. Пражская осень

Глава 11. Кафедра смерти

Глава 12. Код убийцы 2.0

Глава 13. Туманный Альбион

Глава 14. Сорванный концерт

Глава 15. Цивилизационная война

Глава 16. Курс на Восток

Пролог

Турбины «Гольфстрима» гудели ровно, убаюкивающе, создавая иллюзию безопасности, которой не существовало. Роберт Харрисон смотрел в иллюминатор, где под крылом, в разрывах облаков, чернела Атлантика — та самая бездна, что теперь разделяла его жизнь на «до» и «после». В отражении стекла он видел не себя. На него смотрел седовласый, уверенный в себе мужчина в дорогом кашемировом джемпере. Мистер Томас Вандербильт. Филантроп, инвестор, счастливый молодожен.

Рядом, в кресле из кремовой кожи, спала Алия. Или делала вид, что спит. Её лицо, измененное умелым макияжем и новой прической, казалось спокойным, но рука, лежащая на подлокотнике, была напряжена. Даже во сне она была готова к удару. Теперь она была миссис Элеонор Вандербильт.

Роберт закрыл глаза, и темнота мгновенно вернула его назад. Не в этот роскошный салон, пахнувший кожей и дорогим парфюмом, а в сырую землю кладбища в Атланте.

Майкл.

Имя сына пульсировало в висках. Роберт видел его лицо — не то, искаженное маской смерти в морге, а живое. Майкл смеется, поймав первого окуня. Майкл хмурится над учебником алгебры. Майкл... с пустыми глазами поднимает винтовку в школьном коридоре.

Официальная версия была удобной, как старые тапочки. Подростковый срыв. Биполярное расстройство. Влияние жестоких игр. Общество поохало, политики произнесли дежурные речи, и мир двинулся дальше. Но Роберт знал правду. Он видел изнанку. Он знал, что его сына не просто «сорвало». Его разобрали на части и собрали заново, превратив в механизм для убийства.

В кармане, у самого сердца, лежал микрочип с данными. Это было всё, что осталось от его прошлой жизни. Доказательства. Имена. Рик Росс. Стивен Хассен. Те, кто называл себя экспертами, спасителями душ, на деле оказались инженерами человеческих катастроф. Они использовали страх как топливо, а ложь — как детонатор.

Роберт вспомнил своего тестя, Майкла Зенгера. Старого морпеха, прошедшего ад Вьетнама, чтобы погибнуть от руки любимого внука на тихой рыбалке. Это был первый акт трагедии. Тест системы. «Убей то, что любишь, чтобы стать свободным». Какая чудовищная, извращенная логика. И ведь она сработала.

— Мы снижаемся, сэр, — мягкий голос стюардессы вырвал его из воспоминаний. — Париж встречает нас дождем.

Роберт кивнул, натягивая на лицо вежливую улыбку мистера Вандербильта.

— Дождь — это хорошо, — ответил он. — Он смывает грязь.

Алия открыла глаза. В них не было сонливости, только холодный расчет. Они переглянулись. Слов не требовалось. Они оба знали, что этот полет — не бегство. Это передислокация.

Они летели в Европу не ради круассанов и Лувра. Они летели в сердце тьмы. Туда, где нити, обнаруженные Робертом в Америке, сплетались в тугой узел. FECRIS. Организация с респектабельным фасадом и гнилым нутром. Они думали, что находятся в безопасности за своими европейскими законами и государственными грантами. Они думали, что Роберт Харрисон — сломленный, спившийся бывший агент, оплакивающий сына.

Они ошибались.

Самолет коснулся полосы, и Роберт почувствовал, как внутри него взводится курок. Скорбь отца переплавилась в холодную ярость охотника. Он не вернет Майкла. Но он может сделать так, чтобы другие отцы не стояли над закрытыми гробами своих детей.

Шасси коснулись бетона с резким толчком.

— Добро пожаловать в старый свет, дорогой, — тихо произнесла Алия, поправляя бриллиантовый браслет, который стоил больше, чем её сгоревший дом.

— Пора ворошить старые гнезда, — ответил Роберт.

Игра началась. И на этот раз правила устанавливал он.

Глава 1. Парижский фасад

Париж встретил их не аккордеоном и запахом жареных каштанов, а свинцовым небом и мелкой, пронизывающей моросью, которая, казалось, пыталась смыть с улиц остатки туристического глянца. Черный «Мерседес» S-класса мягко шуршал шинами по мокрой брусчатке, сворачивая с площади Согласия. За тонированными стеклами город выглядел как старая черно-белая кинохроника: серые фасады, серые люди, серые намерения.

Роберт Харрисон поправил манжету рубашки из египетского хлопка. Запонки негромко звякнули о стекло часов Patek Philippe. Этот звук — звук денег — теперь был его постоянным спутником. Впрочем, за этой роскошью не скрывались трастовые фонды или удачное наследство. Четко осознавая, что он сжигает все мосты и бежит из Америки в Европу без права на возвращение, Роберт ликвидировал абсолютно все свои активы. Солидные сбережения и пенсионные накопления, были вычищены со счетов до последнего цента, отмыты и превращены в непробиваемую финансовую броню для его новой личности. Мистер Томас Вандербильт, американский инвестор, интересующийся европейской недвижимостью и антиквариатом, не носил дешевых вещей. Он не сутулился, не смотрел по сторонам с тревогой загнанного зверя. Он владел пространством, в которое входил.

Рядом сидела Алия. Элеонор. Ее пальцы лениво листали страницы глянцевого журнала, но Роберт знал: она не читает. Она сканирует периметр через боковое зеркало и лобовое стекло, фиксируя номера машин, лица прохожих, ритм движения трафика. Ее расслабленная поза была результатом долгих тренировок, маской, приросшей к лицу так плотно, что иногда становилось страшно. С того самого момента, как их пути пересеклись, Роберт планомерно передавал ей весь арсенал Лэнгли. Работа с шифровальной аппаратурой, контрнаблюдение и технический шпионаж превратили её из сломленной женщины в безупречного агента, готового к любым условиям.

— Слишком тихо, — произнесла она, не поворачивая головы. Ее голос был ровным, лишенным интонаций, предназначенным только для его ушей. — Водитель смотрит в зеркало заднего вида каждые двенадцать секунд.

— Он просто оценивает чаевые, — ответил Роберт, не меняя скучающего выражения лица. — Мы для него — ходячие кошельки, дорогая. Не ищи призраков там, где их нет. Пока нет.

Автомобиль затормозил у входа в отель «Ритц» на Вандомской площади. Швейцары в ливреях бросились открывать двери, зонты раскрылись с хлопками, напоминающими выстрелы с глушителем. Роберт вышел первым, вдохнув влажный воздух, пахнувший выхлопными газами и дорогими духами. Этот город умел скрывать свои гниющие раны под слоями истории и золота. Идеальное место для штаб-квартиры организации, которая уничтожает человеческие судьбы под видом их спасения.

Они прошли через вращающиеся двери в сияющий холл. Хрусталь люстр, мягкие ковры, приглушенные разговоры. Здесь царила атмосфера безопасности, которую можно купить. Но Роберт знал цену этой безопасности. Она была такой же иллюзорной, как и их имена в паспортах.

Пока портье оформлял документы, Роберт скользнул взглядом по вестибюлю. Никто не обратил на них внимания. Богатые американцы в Париже — явление столь же обыденное, как круассан на завтрак. Это было их главным оружием. Скука. Они должны были излучать скуку и благополучие.

В номере — просторном люксе с видом на колонну — Алия первым делом включила воду в ванной и телевизор на полную громкость. Стандартная процедура. Затем она достала из сумочки небольшое устройство, похожее на пудреницу, и медленно обошла комнату.

— Чисто, — кивнула она через пять минут, выключая воду. — Но телефоны лучше оставить в сейфе. Мы переходим на «чистые» трубки.

Роберт подошел к окну. Внизу, под дождем, текла жизнь, к которой он больше не принадлежал. Где-то там, в лабиринте улиц, билось сердце спрута.

— Мы не будем ждать, — сказал он, глядя на свое отражение в темном стекле. — Мы начнем сегодня.

— Ты уверен, что готов? — Алия подошла сзади, но не коснулась его. — Париж — это их территория. Здесь каждый камень может быть ухом.

— Именно поэтому мы должны увидеть их логово своими глазами. Не через отчеты, не через экраны мониторов. Я хочу почувствовать их запах.

Спустя два часа они сидели в неприметном бистро на углу улицы в 15-м округе. Это был совсем другой Париж — бюрократический, функциональный, лишенный романтического флера. Здесь располагались офисы, министерства, агентства. Здания из бетона и стекла стояли плечом к плечу, словно солдаты в строю.

На столе перед ними стояли две чашки остывающего эспрессо. Роберт, надев очки в тонкой оправе, делал вид, что изучает биржевые сводки на планшете. На самом деле экран транслировал изображение с миниатюрной камеры, закрепленной на сумочке Алии, которая стояла на соседнем стуле, направленная на здание через дорогу.

Здание ничем не выделялось. Обычный фасад, флаг Евросоюза и Франции над входом, скромная табличка. Но именно эта скромность и была самой тревожной деталью.

— FECRIS, — тихо произнес Роберт, не шевеля губами. — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве.

Роберт почувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Он вспомнил Майкла. Вспомнил, как легко ломали психику его сына, используя открытость и доверие. А те, кто стоял за этим, сидели вот в таких крепостях, защищенные бронированным стеклом и государственными законами.

Он переключил вкладку на планшете, открывая документы, которые удалось собрать перед вылетом. Цифры плясали перед глазами, складываясь в чудовищную картину.

— Знаешь, что самое циничное? — спросил он, не отрывая взгляда от экрана. — Кто оплачивает этот банкет.

Алия чуть наклонила голову, изображая интерес к его словам, как верная супруга.

— Французские налогоплательщики?

— Именно. Более девяноста процентов бюджета этой конторы — государственные деньги. Представь себе: ты работаешь, платишь налоги, думаешь, что они идут на больницы или школы. А на самом деле твое правительство финансирует машину по уничтожению инакомыслия.

Роберт провел пальцем по графику.

— Смотри. «Врачи без границ» — одна из самых уважаемых организаций в мире. Знаешь, сколько они получают от государства? По их публичным финансовым данным — около 1% (в среднем) госфинансирования. Остальное — пожертвования людей, которые верят в их дело. А здесь? UNADFI — около 90 процентов от государства. FECRIS — свыше 92 процента.

— Это значит, что у них нет реальной поддержки в обществе, — заметила Алия. — Никто в здравом уме не жертвует им деньги добровольно. Они — паразиты, присосавшиеся к бюджетной вене.

— Хуже, — Роберт поднял взгляд на здание.

Из дверей вышел мужчина в сером костюме, с портфелем. Он выглядел как типичный клерк, но его глаза бегали, сканируя улицу.

— Они часть системы. MIVILUDES. Межминистерская миссия. Это звучит как название болезни, и, по сути, так оно и есть. Государственный орган, который распределяет деньги между этими «частными» лавочками. Рука руку моет.

Мужчина в сером костюме подошел к припаркованному неподалеку скутеру, надел шлем и растворился в потоке машин.

— Они создали идеальный замкнутый цикл, — продолжил Роберт, возвращаясь к анализу. — MIVILUDES пишет отчеты, основанные на «данных», которые им поставляют FECRIS и их дочки. На основании этих отчетов правительство выделяет деньги на борьбу с «сектантскими отклонениями». Деньги идут обратно в FECRIS. И никто не задает вопросов, потому что у них есть статус при Совете Европы.

— Статус — это броня, — согласилась Алия. — Попробуй тронь их — поднимется вой о защите прав человека. Хотя именно права человека они и топчут.

Роберт смотрел на здание, пытаясь представить, что происходит за этими стенами. Там не было пыточных камер в средневековом смысле. Там были компьютеры, серверы, картотеки. Там сидели люди, которые методично, с 9 до 17, с перерывом на обед, разрушали репутации, лоббировали дискриминационные законы и готовили почву для ненависти.

— Это фасад, Алия, — сказал он. — Парижский фасад. Красивая вывеска «Защита семьи и индивида». А за ней — механизм, который перемалывает людей. Они называют это «борьбой с деривациями», с отклонениями. Но кто определяет норму?

— Тот, кто платит, — жестко ответила она.

В этот момент к зданию подъехал черный минивэн с тонированными стеклами. Ворота подземного гаража, которые Роберт даже не заметил сразу, бесшумно поползли вверх. Машина нырнула в темноту, и ворота тут же закрылись. Все заняло не более десяти секунд.

— Ты видела номера? — спросил Роберт.

— Дипломатические, — кивнула Алия. — Но не американские и не европейские. Код страны был закрыт грязью, но формат... Восточная Европа. Или Россия.

Роберт сжал кулак под столом. Ниточки натягивались. Он чувствовал это физически.

— Они чувствуют себя здесь хозяевами, — прошептал он. — Франция для них — это безопасная гавань. Инкубатор. Здесь они выращивают свои идеи, упаковывают их в красивые европейские обертки и рассылают по всему миру.

Он вспомнил документы, которые изучал в самолете. MIVILUDES была не просто бюрократической структурой. Это был преемник MILS, организации, которая прославилась своей агрессивностью. Смена вывески ничего не

изменила. Те же люди, те же методы, те же цели. Только бюджеты стали больше, а связи — глубже.

— Нам нужно подобраться ближе, — сказал Роберт. — Сидеть в кафе и смотреть на окна — этого мало. Мне нужно знать, кто был в том минивэне. Мне нужно знать, какие приказы уходят с их серверов.

— Не торопись, — Алия накрыла его руку своей. Ее ладонь была прохладной. — Мы здесь всего несколько часов. Если мы сделаем резкое движение, система среагирует. У них здесь везде глаза. MIVILUDES тесно связана с полицией и спецслужбами. Один звонок оттуда — и мистера Вандербильта проверят так глубоко, что найдут даже шрам от аппендицита, которого у него нет.

Роберт выдохнул, заставляя себя расслабиться. Она была права. Гнев — плохой советчик. Ему нужна была холодная голова. Голова шахматиста, а не боксера.

— Хорошо, — согласился он. — Мы будем играть по их правилам. Пока. Мы будем туристами. Мы будем тратить деньги, ходить по музеям и ресторанам. Но мы будем слушать.

Он снова посмотрел на здание. Теперь оно казалось ему не просто офисом, а огромным, затаившимся зверем. Зверем, который питается страхом и ложью. И этот зверь был сыт.

— Знаешь, что меня больше всего поражает? — спросил он, убирая планшет в кожаный чехол. — Непропорциональность.

— О чем ты?

— О цифрах. Я смотрел отчеты. Частные пожертвования составляют менее трех процентов их бюджета. Это статистическая погрешность. Это значит, что реальные люди — те самые «семьи», которые они якобы защищают — им не верят. Их не поддерживают. Если бы государство перекрыло кран, FECRIS исчезла бы через месяц. Они существуют только потому, что кому-то наверху это выгодно.

— Или потому, что они выполняют работу, которую государство не хочет делать своими руками, — предположила Алия. — Грязную работу.

Дождь на улице усилился. Капли барабанили по стеклу небольшого уютного ресторанчика, размывая очертания здания напротив. Оно превратилось в серое пятно, зловещую тень на теле города.

Роберт расплатился, оставив щедрые чаевые. Они вышли на улицу, и сырость мгновенно проникла под одежду. Париж больше не казался городом любви. Это был город заговоров. Город, где за резными фасадами особняков плелись интриги, способные взорвать мир.

— Куда теперь? — спросила Алия, раскрывая зонт.

— Нам нужно понять финансовые потоки, — ответил Роберт, беря ее под руку. — Деньги оставляют след, даже если их пытаются отмыть через государственные гранты. Если 90 процентов идет от правительства, то кто именно подписывает чеки? И кто лоббирует эти подписи?

Они медленно пошли по улице, удаляясь от здания FECRIS. Роберт чувствовал спиной взгляд камер наблюдения. Он знал, что их изображение уже где-то на жестком диске. Мужчина и женщина, дорогая одежда, праздная походка. Ничего подозрительного.

Но внутри Роберта тикал таймер. Он понимал, что это только начало. Париж был лишь верхушкой айсберга. Корни уходили гораздо глубже и тянулись далеко на восток.

— Алия, — тихо позвал он.

— Да?

— Тот минивэн. Я успел заметить одну деталь, пока ворота закрывались.

— Какую?

— На заднем стекле была наклейка. Едва заметная, полустертая. Но я узнал символ.

Они остановились на светофоре. Красный свет отражался в мокром асфальте, словно лужа крови.

— Это был не просто дипломатический транспорт, — продолжил Роберт. — Это была машина сопровождения. И символ на ней не имел никакого отношения к дипломатии. Это был старый геральдический знак, который я видел в архивах, когда изучал историю нацистской оккупации.

Алия напряглась.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Прошлое не умирает, Алия. Оно просто меняет форму. Мне кажется, мы наткнулись на что-то гораздо более древнее и страшное.

Зеленый свет загорелся, но они не сдвинулись с места. Роберт смотрел на поток машин, и в шуме дождя ему слышался не шелест шин, а далекий, ритмичный гул марширующих колонн.

— Нам нужно быть очень осторожными, — сказал он. — Мы вошли в клетку с тигром, думая, что это домашняя кошка.

Он достал телефон — тот самый, «чистый», купленный за наличные в аэропорту — и набрал сообщение. Текст был коротким, бессмысленным для постороннего, но понятным для адресата. Это был первый шаг к тому, чтобы вскрыть этот нарыв.

«Посылка доставлена. Упаковка выглядит дорого, но внутри гниль. Начинаем вскрытие».

Он нажал «отправить» и выбросил сим-карту в водосток. Вода подхватила маленький кусочек пластика и унесла его в темноту парижской канализации.

— Пойдем, — сказал он Алии. — Мистер и миссис Вандербильт опаздывают на ужин.

Они растворились в вечерних сумерках, две маленькие фигурки на фоне огромного, равнодушного города, скрывающего в своем чреве тайну, способную поджечь континент. А за их спинами, в здании с зеркальными окнами, продолжали гудеть серверы, перерабатывая ложь в истину, а ненависть — в государственную политику.

Глава 2. Тень на Сене

Утро в Париже началось с ощущения липкой тревоги, которая, казалось, просачивалась сквозь плотные шторы номера в отеле «Ритц». Роберт Харрисон стоял перед зеркалом, завязывая галстук. Узел «виндзор» выходил безупречным — мышечная память мистера Вандербильта работала безотказно. Но в глазах, отражавшихся в зеркале, стоял холодный туман.

Алия сидела в кресле, поджав ноги, с ноутбуком на коленях. Экран отбрасывал бледный свет на её лицо, делая его похожим на фарфоровую маску.

— Ты уверен, что Анри придёт? — спросила она, не отрываясь от монитора. — Люди его профессии обычно предпочитают исчезать, а не назначать встречи призракам из прошлого.

— Анри не исчезнет, — ответил Роберт, надевая пиджак. — Он слишком любит свою обиду. Французская бюрократия выплюнула его, как косточку от оливки, и он до сих пор чувствует этот вкус. Ему нужно выговориться, а я — единственный, кто готов слушать и платить за этот сеанс психотерапии.

— Будь осторожен, — она наконец подняла на него взгляд. — Если он был аудитором в Счетной палате, за ним могут присматривать. Бывших ревизоров не бывает, как и бывших шпионов.

— Я буду просто богатым американцем, который хочет понять, куда идут его жертвования, — усмехнулся Роберт. — Самая невинная легенда в мире.

Он вышел из номера, оставив Алию наедине с цифрами. Её задача была не менее опасной: она должна была нырнуть в цифровой океан и найти то, что скрыто под толщей официальных отчетов.

Встреча была назначена на набережной Сены, недалеко от моста Александра III. Место было выбрано идеально: открытое пространство, просматриваемое со всех сторон, шум воды, заглушающий разговор для направленных микрофонов, и толпы туристов, среди которых легко затеряться.

Анри ждал его у парапета, глядя на мутную воду. Он постарел с их последней встречи. Его пальто было дорогим, но слегка поношенным, а в осанке

появилась сутулость человека, который слишком долго носил на плечах груз чужих тайн.

— Томас, — произнес француз, не оборачиваясь, когда Роберт подошел к нему. — Или как мне теперь тебя называть?

— Томас вполне подойдет, — ответил Роберт, вставая рядом. — Рад тебя видеть, Анри.

— Не лги, — Анри достал пачку сигарет. — Никто не рад видеть человека, который знает, где зарыты трупы. Особенно если эти трупы финансовые.

Он закурил, выпустив струйку дыма в сырой воздух.

— Ты просил информацию о FECRIS и их друзьях. Я поднял старые файлы. И кое-что новое. Ты не поверишь, Томас, но это даже грязнее, чем мы думали в девяностых.

Анри передал Роберту небольшую флешку, зажатую в ладони. Движение было быстрым, профессиональным.

— Что там? — спросил Роберт, пряча носитель в карман.

— Бухгалтерия ада, — криво усмехнулся Анри. — Ты знаешь, как работает французская система грантов? Это искусство. Искусство превращать деньги налогоплательщиков в идеологическое оружие.

Они медленно пошли вдоль реки. Ветер трепал полы пальто.

— Я смотрел открытые отчеты, — сказал Роберт. — Цифры кажутся... странными.

— Странными? — Анри фыркнул. — Они чудовищны. Смотри. Есть такая организация — UNADFI. Союз ассоциаций защиты семей и индивидов. Звучит благородно, верно? Так вот, на протяжении семнадцати лет большая часть их бюджета — это государственные деньги, Томас! Это уже не просто «общественная организация» — это структура, плотно сидящая на государственных субсидиях.

Роберт слушал, запоминая каждую цифру. Это было важно. Это разрушало миф о «гражданском обществе», которое якобы борется с сектами.

— А FECRIS? — спросил Роберт.

— О, это жемчужина в короне. Около девяносто двух процентов. В среднем, с 2001 года. Понимаешь, что это значит? Французский пекарь, встающий в четыре утра, чтобы испечь багет, платит налоги. И эти налоги идут на содержание конторы, которая занимается охотой на ведьм в международном масштабе.

— Кто распределяет эти деньги? — Роберт знал ответ, но ему нужно было услышать это от Анри.

— MIVILUDES, — выплюнул это слово француз. — Межминистерская миссия по бдительности и борьбе с сектантскими отклонениями. Звучит как название из романа Оруэлла. Они — распределительный узел. Они решают, кто «секта», а кто «хороший парень». И знаешь, какой критерий? Лояльность. И деньги.

Анри остановился и посмотрел Роберту в глаза.

— Это замкнутый круг, Томас. Рука руку моет, и обе руки в крови.

— Но зачем? — спросил Роберт. — Зачем государству это нужно?

— Контроль, — ответил Анри. — И устранение конкурентов. Ты думаешь, они борются за души? Они борются за рынок. Психологический, медицинский, образовательный. Любая группа, которая предлагает альтернативу, объявляется «сектой». Йога? Секта. Натуральная медицина? Секта. Частная школа с уникальной методикой? Опасный культ. Это бизнес, Томас. Бизнес по уничтожению репутаций.

Роберт смотрел на серую воду Сены. В голове складывалась картина. Майкл, его сын, стал жертвой не просто фанатиков. Он стал жертвой бизнес-модели.

— Но есть кое-что еще, — голос Анри понизился почти до шепота. — Я нашел транзакции, которые не вписываются в эту схему. Деньги, которые приходят не от французского казначейства. И уходят не на французские счета.

— Куда?

— На Восток.

Роберт напрягся.

— Россия?

— И не только. Но Россия — главный игрок. Есть прямая координация. MIVILUDES — это не просто французская бюрократия. Это хаб. Они предоставляют площадку. Легитимность. Статус при Совете Европы. А пользуются этим статусом люди, которые говорят с очень сильным славянским акцентом.

Анри огляделся по сторонам.

— На флешке есть имена. И даты встреч. Ты увидишь, что некоторые руководители этих «французских» ассоциаций — родственники. Семейный подряд. Но самое интересное — это гости. Русские гости, которые чувствуют себя в офисах MIVILUDES как дома.

— Спасибо, Анри, — Роберт протянул ему конверт. Внутри были наличные — старый, проверенный способ оплаты, не оставляющий цифровых следов.

Француз взял конверт, не пересчитывая.

— Будь осторожен, Томас. Ты лезешь в механизм, который перемалывал судьбы десятилетиями. Они используют государственные ресурсы, чтобы уничтожать людей. Полиция, суды, налоговая — все у них в кармане. Если они поймут, кто ты на самом деле...

— Они не поймут, — отрезал Роберт. — Пока не станет слишком поздно.

Анри кивнул и растворился в толпе туристов, словно его и не было. Роберт остался один на набережной. В кармане жгла бедро флешка с «бухгалтерией ада». Он достал телефон и набрал сообщение Алии: «Встречаемся в Лувре. У меня есть ключи. Надеюсь, ты нашла двери».

Алия не пошла в Лувр. Слишком много камер, слишком много глаз. Она выбрала небольшую библиотеку в Латинском квартале, где можно было арендовать отдельную кабинку. Миссис Вандербильт якобы интересовалась историей средневековой архитектуры.

На экране её ноутбука были открыты десятки вкладок. Базы данных, архивы новостей, социальные сети. Она использовала специальный софт,

который позволял визуализировать связи между людьми и организациями. И сейчас эта паутина связей пульсировала красным цветом, сходясь в одной точке.

Имя этой точки было Александр Дворкин.

Алия знала это имя. Роберт упоминал его. Но теперь она видела масштаб. Это был не просто проповедник или активист. Это был функционер.

Она открыла архивный документ FECRIS. Список руководства.

— Вице-президент FECRIS с 2009 по 2021 год, — прошептала она, проводя пальцем по экрану. — Двенадцать лет. Двенадцать лет гражданин России, глава организации РАЦИРС, занимал второй по значимости пост в европейской федерации, финансируемой французским правительством.

Это было немыслимо. В то время как Европа вводила санкции, говорила о правах человека и демократии, в самом её сердце, в Париже, сидел человек, который строил свою карьеру на ненависти и подавлении инакомыслия. И французские налогоплательщики оплачивали его командировки, его конференции, его обеды.

Алия начала копать глубже. Она искала связи между Дворкиным и французскими политиками. И она их нашла.

Фотография марта 2019 года. Крым — территория Украины, аннексированная Россией в 2014 году. Группа улыбающихся мужчин в деловых костюмах. Среди них — Тьерри Мариани, французский политик. По сообщениям прессы, в той поездке фигурировал и Жорж Фенек.

Алия замерла. Жорж Фенек. Бывший президент MIVILUDES. Человек, который должен был защищать Францию от «сектантских угроз». Что он делал в Крыму, пожимая руки российским чиновникам?

Она быстро нашла отчеты. Официально поездка была организована «Российским фондом мира». Оплачена российской стороной. Фенек пытался скрыть свое присутствие, но его опознали на кадрах документального фильма.

— Вот оно, — выдохнула Алия. — Это не просто коррупция. Это идеологический союз.

Она открыла структуру FECRIS. С 2022 года Дворкин вошел в совет директоров. Даже после начала полномасштабной войны, даже когда маски были сброшены, Европа не изгнала его. Почему?

Ответ крылся в цепочке следов, которые слишком хорошо стыковались друг с другом. MIVILUDES и РАЦИРС работали как сообщающиеся сосуды: через людей, конференции, цитаты, взаимные ссылки и одинаковую оптику на одни и те же группы.

Алия перелистывала тексты и ловила знакомые интонации. Формулировки, рожденные в Москве, всплывали во французских материалах как калька: те же метки, те же страхи, тот же набор обвинений — будто один и тот же шаблон просто переводили, адаптировали и запускали в другой стране. Разные печати, разные подписи, а язык — один.

«Смотрите, нас поддерживают в Европе! Мы — часть цивилизованного мира!» — кричал он с трибун. И в то же время в Европе говорили: «Смотрите, у нас есть эксперты из России, у них огромный опыт!»

Это была идеальная схема отмыwania репутации. Взаимная легитимизация.

Алия нашла ещё один след — публичное обращение, всплывшее в потоке кампаний вокруг «Общенародного Союза Возрождения России». Риторика была знакомой до тошноты: обвинения в адрес еврейской общины Хабад-Любавич, слова про «иностранных агентов», про «угрозу национальной безопасности», требования проверок и вмешательства силовых структур. Адресат мог меняться, формулировки — почти нет. Это был устойчивый шаблон давления, который повторяли снова и снова.

— Они используют одни и те же лекала, — поняла Алия. — В России они называют врагами тех, кто связан с Америкой. В Америке и Европе они называют врагами тех, кто связан с Россией. Но бьют они по одним и тем же целям. По тем, кто мыслит иначе.

Она скопировала файлы на защищенный диск. Пазл складывался. Антикультизм не был целью. Он был инструментом. Инструментом политического влияния, внедрения агентуры и дестабилизации общества. И

Александр Дворкин был не просто фанатиком. Он был оператором этого инструмента.

Вечер опустился на Париж, превратив Сену в поток расплавленного золота и нефти. Роберт и Алия сидели в номере отеля, задернув шторы. На столе перед ними лежали распечатки, карты и схемы.

— Более девяносто процентов, — повторил Роберт, глядя на график, который дал ему Анри. — Это почти полное государственное содержание. FECRIS — это марионетка. Но кто дергает за ниточки?

— Не только Париж, — Алия положила на стол фотографию из Крыма. — Смотри. Это Жорж Фенек. Бывший глава MIVILUDES. В Крыму. В 2019 году. За счет российского фонда.

Роберт взял фото. Его лицо окаменело.

— Значит, координация идет на самом верху.

— Именно. Дворкин был вице-президентом FECRIS двенадцать лет. Ты понимаешь? Он не просто приезжал в гости. Он управлял повесткой. Он формировал политику организации, которая консультирует Совет Европы.

Алия вывела на экран схему связей.

— Смотри, как это работает. В России Дворкин и его люди атакуют, например, индуистов или евангелистов. Называют их «сектой», «агентами ЦРУ». В это же время FECRIS в Европе выпускает отчет, где те же самые группы называются «опасными деривациями». Ссылаются на «российских экспертов». Таким образом, российские суды используют европейские отчеты для запрета организаций. Европейские чиновники используют российские «данные» для оправдания своих бюджетов.

— И все это оплачивает французский налогоплательщик, — закончил мысль Роберт. — Гениально. Они построили машину репрессий за чужой счет.

Он встал и прошелся по номеру. Ярость, холодная и расчетливая, пульсировала в висках.

— Анри сказал, что они используют госресурсы для устранения конкурентов. Это объясняет, почему они так агрессивны. Это не защита людей. Это зачистка рынка. Монополия на истину.

— И на деньги, — добавила Алиа. — «Цель любой секты — власть и деньги». Это цитата самого Дворкина. Он проецирует свои мотивы на других.

Роберт подошел к окну и чуть отодвинул штору. Внизу, у входа в отель, стоял черный седан. Тот самый, что он видел вчера? Или другой? Паранойя становилась профессиональным навыком.

— Мы нашли голову змеи в Париже, — сказал он, не оборачиваясь. — Но тело тянется далеко на Восток. И яд, который они вырабатывают, отравляет не только Россию или Францию. Он течет по венам всей Европы.

— Что будем делать? — спросила Алиа, закрывая ноутбук.

— Мы пойдем по следу денег и крови. Анри дал нам финансовую карту. Ты нашла политическую связь. Теперь нам нужно найти тех, кто пострадал от этого союза. Тех, кого они сломали.

Роберт вернулся к столу и взял в руки флешку Анри. Она казалась тяжелой, словно была сделана из свинца.

— Знаешь, что самое страшное, Алиа?

— Что?

— Что они искренне верят в свою правоту. Фенек, Дворкин, все эти бюрократы из MIVILUDES. Они не считают себя злодеями. Они считают себя санитарями леса. И это делает их в тысячу раз опаснее любых наемников. Теперь нам нужно изучить историю болезни.

— Какой болезни? — не поняла Алиа.

— Нацизма, — ответил он, убирая оружие за пояс. — Потому что то, что мы видим здесь, в FECRIS и MIVILUDES, — это не новая инфекция. Это старый вирус, который просто мутировал и научился носить дорогие костюмы.

За окном начал накрапывать дождь, смывая с парижских улиц пыль, но не способный смыть грязь, въевшуюся в фундаменты государственных зданий.

Тень на Сене сгущалась, и в этой темноте Роберт Харрисон видел очертания врага, который был гораздо страшнее, чем он мог себе представить. Врага, который говорил на языке закона, но действовал методами террора.

Глава 3. Датский след

Тишина в номере отеля «Ритц» была обманчивой. Для внешнего мира, для горничных, меняющих полотенца, и консьержа, бронирующего столики в мишленовских ресторанах, мистер и миссис Вандербильт наслаждались ленивым парижским утром. Но за плотно задернутыми шторами из тяжелого бархата воздух был наэлектризован напряжением, свойственным не медовому месяцу, а оперативному штабу в зоне боевых действий.

Роберт Харрисон сидел за антикварным секретером, превращенным в станцию цифровой криминалистики. Экран его ноутбука, защищенный поляризационным фильтром, светился холодным синим светом, выхватывая из полумрака резкие черты лица. Он больше не видел перед собой Париж. Он смотрел в бездну, которая разверзлась на экране.

— Мы искали деньги, — глухо произнес он, не отрываясь от монитора. — Мы думали, что FECRIS — это просто кормушка для бюрократов. Но деньги — это лишь кровь. А нам нужно найти сердце. И, кажется, оно бьется не во Франции.

Алия, сидевшая на диване с планшетом, подняла голову. Её глаза, обычно холодные и расчетливые, сейчас выражали смесь отвращения и узнавания.

— Я проследила интеллектуальную собственность, — сказала она. — Методички, которые использует MIVILUDES, терминология, сами принципы классификации «врагов». Всё это не было придумано в Париже. Французы лишь перевели это, упаковали в красивые обложки с логотипами республики и поставили печати. Исходный код написан на другом языке.

— На русском? — предположил Роберт.

— Частично. Но корни уходят глубже. И севернее.

Она переслала файл на его экран. Роберт открыл документ. Это был скан старого журнала с зернистой черно-белой фотографией на обложке. Название издания: «*Update & Dialog*».

— Дания, — констатировала Алия. — Орхус. Место, которое выглядит как открытка из сказок Андерсена. Но именно там, в тишине университетских библиотек, был создан чертеж той машины, которая убила Майкла.

Роберт вгляделся в фотографию. На ней был изображен крупный мужчина с тяжелым взглядом, стоящий за кафедрой. Он излучал властность, граничащую с агрессией, даже через старый типографский снимок.

— Йоханнес Огорд, — прочитал Роберт подпись. — Профессор теологии.

— Не просто профессор, — поправила Алия. — «Отец». Патриарх современного антикультизма. Основатель «Диалог-центра». Название звучит безобидно, почти либерально. Кто может быть против диалога? Но если ты начнешь читать их внутренние документы, ты поймешь, что это новояз.

Роберт начал листать отсканированные страницы. Текст был на английском, сухой, академический, но смысл, скрытый за сложными терминами, заставлял волосы на затылке шевелиться.

— «Диалог в конфронтации», — процитировал он. — Это их концепция. Они не разговаривают с оппонентами. Они их допрашивают.

— Смотри дальше, — направила его Алия. — Связи. Кого он обучал. Кто приезжал к нему на поклон.

Роберт запустил поиск по ключевым словам в массиве данных, который они скачали с серверов, найденных по наводке Анри. Имя всплыло почти мгновенно, подсвеченное красным маркером.

Александр Дворкин.

— Вот оно, — выдохнул Роберт. — Связующее звено.

На экране появилась архивная запись из журнала посещений «Диалог-центра» за начало девяностых. Дворкин был там не просто гостем. Он был учеником.

— Он ездил туда годами, — начала анализировать Алия, выстраивая хронологию. — Это не были краткосрочные визиты вежливости. Это была полноценная вербовка и обучение. Смотри, вот воспоминания самого Дворкина. Он пишет, что каждый раз привозил из Дании «чемодан отксерокопированных документов».

Роберт представил эту картину. Молодой, амбициозный Дворкин, возвращающийся в хаос постсоветской России, тащит через таможен тяжелые чемоданы. В них не было контрабандной электроники или валюты. В них был вирус. Бумажный вирус ненависти, который он собирался выпустить в стране, только что сбросившей оковы одной идеологии, чтобы тут же попасть в капкан другой.

— Он создал свой центр в Москве по образу и подобию датского, — продолжил Роберт. — Даже название скопировал. РАЦИРС — это клон. Он взял методологию Огорда, его архивы, его тактику и пересадил на русскую почву.

— Но Огорд не был одиночкой, — Алия подошла к окну и чуть отодвинула штору, проверяя улицу. Привычка. — Огорд был идеологом, теоретиком. Но у него был партнер, который отвечал за практику. За грязную работу.

Она вернулась к дивану и вывела на экран другое фото. На этот раз — немец. Очки в роговой оправе, строгое лицо, взгляд человека, который привык отдавать приказы и не слышать возражений.

— Фридрих-Вильгельм Хаак. Немецкий пастор. Уполномоченный по вопросам сект в Баварии. Они с Огордом были как две руки одного тела. Огорд давал теологическое обоснование, Хаак — административный ресурс и методы подавления.

Роберт углубился в биографию Хаака. Чем больше он читал, тем темнее становилось у него на душе. Это была не просто история религиозных споров. Это была история насилия.

— Послушай это, — Роберт выделил цитату из проповеди Хаака, найденную в оцифрованном архиве немецкой прессы тех лет. — *«Если мы правильно понимаем нашу веру, мы не имеем права позволять “другим” продолжать следовать своей вере...»*

Он замолчал, переваривая смысл сказанного.

— Это призыв к уничтожению, — тихо сказала Алия. — Не физическому, возможно, на первом этапе. Но духовному и социальному. «Не имеем права позволять». Это абсолютная нетерпимость, возведенная в ранг добродетели.

— И это работало, — Роберт открыл копию полицейского отчета из Мюнхена, датированного концом восьмидесятых. — После одной из таких проповедей толпа «добропорядочных граждан» окружила здание общины, которую Хаак назвал сектой. Они кричали угрозы: «Вас нужно выстроить у стены!», «Вас нужно повесить!». И самое страшное — по словам очевидцев, в толпе прозвучало даже: «Хайль Гитлер!».

Слова повисли в воздухе тяжелым смогом. «Хайль Гитлер». В Германии. Спустя десятилетия после войны.

— Это не случайность, Роберт, — голос Алии стал жестким, как сталь. — Это не просто эксцесс исполнителя. Мы наткнулись на линию преемственности.

Она открыла схему, которую составляла последние часы. Это было генеалогическое древо ненависти. Внизу был Дворкин и современные «эксперты». Выше — Огорд и Хаак. А над ними, в тени истории, маячила фигура, от которой веяло могильным холодом.

— Вальтер Кюннет, — прочитал Роберт имя на вершине пирамиды.

— Нацистский богослов, — пояснила Алия. — Профессор университета Эрлангена. В двадцатые годы он возглавлял «Апологетический центр». Знаешь, как это называлось при Гитлере? «Отдел по религиозным и идеологическим вопросам».

Роберт почувствовал тошноту. Пазл сложился, и картина была чудовищной.

— Хаак был его учеником, — продолжил он мысль Алии, глядя на даты. — Он учился у Кюннета в Нюрнберге. Он впитал эту идеологию из первых рук. Идеологию, которая оправдывала Холокост. Идеологию, которая делила людей на «правильных» и «недочеловеков».

— Именно. Кюннет разработал теологию дегуманизации. Он учил, что враг рейха — это враг Бога. Что жалость к «сектанту» или еврею — это слабость. И когда Рейх пал, Кюннет не исчез. Он просто снял одежду пастора и надел профессорскую мантию. Он прожил долгую жизнь, умер в 1997 году, окруженный почетом. И передал свои знания Хааку.

Роберт встал и прошелся по номеру. Роскошный ковер скрадывал шаги. Ему казалось, что он идет по пеплу.

— Значит, то, с чем мы столкнулись, — это не новое явление, — сказал он. — Это Четвертый рейх. Невидимый, без танков и концлагерей, но с теми же целями. Они сменили расовую теорию на теорию «тоталитарных сект». Вместо черепов они измеряют «психологическое соответствие». Но суть одна: есть люди, а есть «биомасса», которую нужно перепрограммировать или уничтожить.

Он вспомнил Майкла. Вспомнил пустые глаза сына. Теперь он понимал, почему психиатры не могли ему помочь. Майкл столкнулся не с болезнью. Он столкнулся с технологией расчеловечивания, отточенной десятилетиями.

— Дворкин — наследник этой системы, — сказала Алиа, глядя на схему. — Кюннет научил Хаака. Хаак и Огорд научили Дворкина. Дворкин привез это в Россию и заразил этим государство. А теперь через FECRIS и MIVILUDES этот яд возвращается в Европу, легитимизированный «русским опытом».

— И они называют это «защитой прав человека», — с горечью усмехнулся Роберт. — Какая ирония. Наследники нацистов сидят в Совете Европы и учат нас демократии.

Он вернулся к компьютеру. Теперь, зная, что искать, он видел подтверждения повсюду. Терминология. Методы пропаганды. Создание образа врага. Всё это было взято из документов Кюннета и адаптировано для методичек Геббельса. — Смотри, — Роберт указал на документ, описывающий структуру

«Диалог-центра». — «Гурутека». Так они называли свой архив. Собрание компромата на всех, кто мыслит иначе. Огорд создал глобальную сеть шпионажа под видом исследовательской работы. Они собирали данные на индуистов, буддистов, новых христиан, йогов. На всех.

— И эти данные использовались не для науки, — подхватила Алия. — Они использовались для шантажа, для судебных процессов, для разрушения репутаций. Это спецслужба, Роберт. Частная идеологическая спецслужба, работающая поверх границ.

Роберт открыл файл с биографией Хаака. Там была деталь, которая раньше ускользнула от его внимания. Медаль Бернхарда Бейера от масонских лож. Хаак принял её, заявив, что это «благодарность за публикацию».

— Он играл на всех полях, — заметил Роберт. — Масоны, лютеране, политики. Он был хамелеоном. Как и Дворкин сейчас. В России он изображает православного патриота, в Европе — светского эксперта, в Америке — жертву преследований. Но внутри — всё та же нацистская сталь.

Алия закрыла ноутбук. Экран погас, но образы, которые они увидели, остались выжженными на сетчатке.

— Мы нашли исторический корень, — сказала она. — Дания — это инкубатор. Там вирус сохранили в холоде после войны, дали ему мутировать и вырасти. Но сейчас центр управления не там. Теперь Огорд, Хаак и Кюннет в аду.

— Но их дело живет, — Роберт сжал кулаки. — Дворкин — их лучший ученик. Он превзошел учителей. Он получил в свое распоряжение ресурсы огромной страны.

В этот момент Роберт почувствовал не страх, а холодную решимость. Раньше он думал, что борется с коррумпированной системой. Теперь он понимал, что стоит перед лицом абсолютного зла. Зла, которое считает уничтожение личности благом.

— Нам нужно доказательство, которое свяжет прошлое с настоящим, — сказал он. — Не просто исторические параллели. Нам нужно найти нить, которая тянется от этих нацистских теологов прямо к сегодняшним событиям. К стрельбе в школах. К ненависти в интернете.

— У нас есть имена, — ответила Алия. Они все — птенцы гнезда Огорда. Они все учились в этом «Диалог-центре». Это спящие ячейки, которые активируются по команде.

Роберт подошел к мини-бару, достал бутылку воды. Горло пересохло.

— Знаешь, что самое страшное? — спросил он, глядя на запотевшее стекло. — Огорд открыто высмеивал Первую поправку к Конституции США. Он называл свободу вероисповедания «невротичной» и «противоестественной».

— Они ненавидят свободу, — кивнула Алия. — Потому что свободным человеком нельзя управлять. А их цель — тотальный контроль. «Тоталитарная секта» — это термин, который Дворкин придумал, чтобы проецировать свои собственные амбиции на других. Это зеркало. Когда он кричит о тоталитаризме, он описывает себя.

Роберт вернулся к столу и начал копировать найденные файлы на зашифрованный диск. Каждая страница, каждая фотография были уликой в деле, которое еще не открыл ни один суд мира.

— Мы должны быть осторожны, — сказал он. — Мы копаем могилы, в которых лежат очень опасные призраки. Если они поймут, что мы знаем про Кюннета и нацистский след, они поймут, что мы бьем в фундамент. Это разрушит их легитимность.

— Это их ахиллесова пята, — согласилась Алия. — Они боятся света. Они боятся истории. Они переписали Википедию, зачистили биографии, создали миф о «героических борцах с культами». Наша задача — разрушить этот миф.

Она подошла к нему и положила руку на плечо.

— Мы закончили с архивами, Роберт. Мы увидели чертежи. Теперь нам нужно увидеть, как эта машина работает в поле.

Роберт кивнул. Датский след был найден. Он был холодным, липким и пах старой типографской краской и кровью. Но он вел дальше. Он вел прочь из уютного Парижа, прочь из теоретических дебрей теологии.

— Ты права, — сказал он, вынимая диск. — Теория ясна. Практика — вот что убивает.

Он посмотрел на карту Европы, висящую на стене номера. Его взгляд скользнул на юго-восток. Туда, где горы встречались с небом, а старая ненависть никогда не умирала по-настоящему.

— Мы знаем, откуда пришла идея, — произнес Роберт, и его голос звучал как приговор. — Теперь нам нужно увидеть, во что она превращает людей.

На экране ноутбука, прежде чем погаснуть, на секунду задержалось лицо Вальтера Кюннета. Старый нацист улыбался, словно знал, что его дело в надежных руках. И эта улыбка была страшнее любого оружия.

Роберт захлопнул крышку ноутбука. Звук был похож на выстрел.

— Собирайся, Алия. Мы уезжаем. Здесь слишком чисто. Мне нужно увидеть грязь, чтобы понять, как глубоко она въелась.

За окном Париж продолжал жить своей жизнью, не подозревая, что в его сердце, в офисах с евроремонтом, бьется пульс Третьего рейха, перекачивая яд в вены нового столетия. Но Роберт Харрисон теперь знал диагноз. И он собирался найти лекарство.

Глава 4. Звонок из прошлого

Телефон зазвонил ровно в 03:00 ночи. Это был не тот аппарат, который лежал на прикроватной тумбочке в номере отеля, и не тот, который Роберт Харрисон использовал для бронирования столиков в ресторанах. Звук исходил из недр дорожной сумки, спрятанной в глубине гардеробной, — глухая, ритмичная вибрация, от которой у профессионала мгновенно пересыхает во рту.

Роберт проснулся за долю секунды до первого сигнала. Привычка, выработанная годами службы, не исчезала, она лишь дремала под маской респектабельного инвестора. Он бесшумно скользнул с кровати, бросив быстрый взгляд на Алию. Она не шелохнулась, но он знал, что она тоже не спит. Её дыхание изменилось, став поверхностным и контролируемым.

Роберт извлек из потайного кармана сумки спутниковый телефон — громоздкий, черный кирпич без камеры и GPS-модуля, работающий через каскад прокси-серверов. На экране светилась единственная надпись: «Входящий вызов. Канал защищен».

— Слушаю, — произнес он, не называя имен.

— Париж тебе не к лицу, Боб, — голос на том конце пробивался сквозь цифровой шум с характерной хрипотцой. Джек. Его старый друг, бывший куратор и единственный человек в Лэнгли, который не списал Харрисона в утиль после смерти Майкла. — Слишком много круассанов и слишком мало ответов.

— Мы нашли корни, Джек, — тихо ответил Роберт, присаживаясь на пуфик. — Дания. Германия. Нацистские теологи. Мы знаем, откуда пришла теория.

— Теория — это прекрасно для диссертации, — перебил его Джек. В его голосе звучало напряжение, которого Роберт не слышал со времен операции в Кабуле. — Но теория не убивает людей тысячами за неделю. Практика убивает. И я нашел место, где они перешли от слов к делу.

Роберт почувствовал, как холодок пробежал по спине.

— О чем ты?

— Я прогнал имена из твоего списка через базы данных, которые мы обычно не трогаем. Старые архивы НАТО, отчеты наблюдателей ООН времен Балканских войн. Ты искал финансовые следы во Франции, а надо было искать трупы на Юго-Востоке.

— Балканы? — переспросил Роберт. — Это было тридцать лет назад.

— Именно. И именно там твои «друзья» обкатывали свои методички, прежде чем привезти их в наши школы и университеты. Я отправил тебе пакет данных. Ключ шифрования тот же, что мы использовали в Бейруте. Открой. Сейчас.

Связь оборвалась. Роберт несколько секунд смотрел на погасший экран, затем быстро вернулся в спальню. Алия уже сидела за столом, открывая защищенный ноутбук.

— Это Джек? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да. Он говорит, что мы копаем не в том направлении. Точнее, не в том времени.

Роберт ввел длинную последовательность символов. Экран мигнул, и началась распаковка архива. Файлы были тяжелыми — сканы документов, старые фотографии, перехваченные радиogramмы.

Первое, что бросилось в глаза, — это карта Югославии, испещренная красными маркерами. Но это были не военные цели. Это были центры пропаганды.

— Смотри сюда, — Роберт увеличил один из документов. Это была обложка журнала. Бумага пожелтела от времени, но заголовок на сербском читался отчетливо: «Београдски дијалог».

— «Белградский диалог», — перевела Алия. — Звучит знакомо.

— Это калька, — кивнул Роберт. — Мы видели это в Дании. «Диалог-центр». Джек нашел их филиал. Но посмотри на дату. 1990-е годы. Самый разгар войны.

Он начал листать страницы отчета, который составил Джек. Текст был сухим, аналитическим, но факты, изложенные в нем, били наотмашь.

— Мы думали, что антикультисты — это маргиналы, которые бегают за кришнаитами, — пробормотал Роберт. — Но здесь... Здесь они были частью военной машины.

В документе упоминалась Военно-медицинская академия (ВМА) в Белграде. Имя полковника Братислава Петровича было выделено жирным шрифтом. Нейропсихиатр. Офицер. И... борец с сектами.

— Психиатрия на службе войны, — прошептала Алия, вчитываясь в текст. — Они использовали термин «секта» не для религиозных групп. Они использовали его как клеймо. Как способ расчеловечить врага.

— «Симфония Церкви и государства», — прочитал Роберт заголовок одного из разделов. — Вот как они это называли. Полное слияние. Священники благословляли оружие, психиатры ставили диагнозы целым народам, а

политики отдавали приказы. И все это под эгидой борьбы за «духовную чистоту».

Роберт встал и подошел к окну. Париж за стеклом казался теперь декорацией, картонным городом, скрывающим настоящую реальность. Он вспомнил Майкла. Вспомнил, как методично ломали психику его сына. Теперь он видел, что это была не ошибка, не сбой системы. Это была технология, отточенная на геноциде.

— Джек пишет, что в редакционный совет этого журнала входили наши старые знакомые, — голос Алии вырвал его из раздумий. — Йоханнес Огорд. И Александр Дворкин.

Роберт резко обернулся.

— Дворкин был там? Во время войны?

— Не просто был. Он был частью идеологического ядра. Смотри, — она развернула ноутбук. — Совместные конференции. Публикации. Они ездили в Белград, как на работу. Пока на улицах Сараево работали снайперы, эти люди сидели в кабинетах и обсуждали, как правильно называть жертв, чтобы их не было жалко убивать.

Это меняло всё. Одно дело — теоретизировать о вреде сект в уютной аудитории Копенгагена или Парижа. Другое дело — участвовать в создании идеологии, которая оправдывает этнические чистки.

— Это был полигон, — сказал Роберт, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. — Югославия была их лабораторией. Там они проверяли, насколько далеко можно зайти в манипуляции сознанием. Они учились превращать соседей в убийц.

Он вернулся к столу и открыл файл с пометкой «Свидетель».

— Джек нашел человека, — сказал он. — Его зовут Стефан. Журналист. В 90-е он работал в зоне конфликта. Он видел, как это начиналось. Он видел, как слова превращались в пули.

— Где он сейчас? — спросила Алиа.

— Болгария. София. Он ушел в тень, когда понял, что его расследование может стоить ему жизни. Но он сохранил архивы. Джек говорит, что у Стефана есть доказательства прямой связи между пропагандой ненависти и конкретными военными преступлениями.

Роберт посмотрел на карту Европы. Расстояние от Парижа до Софии казалось огромным не в километрах, а в смыслах. Они должны были покинуть зону комфорта, зону «цивилизованного лицемерия», и отправиться туда, где шрамы истории еще не зажили.

— Мы уезжаем, — принял решение Роберт. — Сегодня.

— А как же Париж? — спросила Алия, хотя уже начала закрывать программы и чистить кэш. — Мы не закончили с финансовыми потоками.

— Финансы подождут. Деньги — это следствие. Нам нужна причина. Нам нужно понять механизм. Если мы докажем, что FECRIS и их сеть связаны с военными преступлениями на Балканах, это будет ядерный взрыв. Никакое французское правительство не сможет их прикрыть.

Роберт начал собирать вещи. Движения были быстрыми, экономными. Ничего лишнего. Только самое необходимое. Пистолет, документы, наличные, зашифрованные диски.

— Знаешь, что самое страшное в файлах Джека? — спросил он, укладывая рубашки.

— Что?

— Цитата одного из местных жителей: «Почему у нас нет мира?». Ответ прост: потому что война выгодна тем, кто контролирует умы. Эти «борцы с сектами» — они не просто фанатики. Они деструкторы. Они создают хаос, чтобы потом предложить свой «порядок».

Алия остановилась с косметичкой в руках.

— Ты думаешь, они готовят что-то подобное сейчас? В Европе?

— Посмотри на новости, Алия. Поляризация общества. Ненависть к мигрантам. Религиозные конфликты. Риторика один в один повторяет то, что

писали в «Белградском диалоге» тридцать лет назад. Они не остановились. Они просто масштабировали опыт.

Роберт захлопнул чемодан.

— Мы едем в Софию. Джек дал контакт Стефана. Он будет ждать нас. Но мы должны быть осторожны. Восточная Европа — это их домашнее поле. Там у них глаза и уши повсюду.

Спустя три часа они сидели в бизнес-зале аэропорта Шарль-де-Голль. Мистер и миссис Вандербильт снова были в образе: расслабленные, слегка утомленные шопингом туристы, решившие спонтанно посетить «экзотический» Восток. Но под этой маской скрывались два хищника, вышедшие на след.

Роберт смотрел на табло вылетов. Рейс на Софию задерживался на двадцать минут. Время тянулось мучительно медленно. Каждая минута в Париже казалась теперь опасной. Он чувствовал, что они разворошили осиное гнездо, и осы уже вылетели.

Он снова открыл планшет, делая вид, что читает новости. На самом деле он перечитывал досье на Братислава Петровича. Полковник ВМА. Человек, который внедрял в сознание солдат идею о том, что они сражаются не с людьми, а с «демоническими силами».

«Психологическая обработка и индоктринация офицеров», — гласил отчет. Это было именно то, что случилось с Майклом. Только вместо казармы была школа, а вместо войны — массшутинг. Механизм был идентичен. Слом личности, подмена ценностей, создание образа врага, команда «фас».

— Ты заметил одну деталь? — тихо спросила Алия, наклонившись к нему. Она указывала на фотографию в планшете. Групповой снимок участников конференции в Афинах.

— Какую?

— Лица. Они все улыбаются. Дворкин, представители греческой церкви, сербские офицеры. Они выглядят как старые друзья на пикнике. Это международный синдикат, Роберт. «Интернационал ненависти».

— И они действуют синхронно, — добавил Роберт. — Джек прислал еще один документ. Справку из архивного массива позднесоветского периода — середины восьмидесятых.

— КГБ? — удивилась Алия.

— Да. Оказывается, советские спецслужбы использовали религиозные структуры и международные церковные контакты как канал влияния и прикрытие для работы за рубежом — от разведывательных задач до пропаганды и контрпропаганды.

В материалах всплывают агентурные псевдонимы — вроде «Адамант», «Клёновский», «Миссионер». Они ездили на конференции в страны Европы — под «церковной» вывеской — и совмещали религиозную дипломатию с задачами спецслужб.

Роберт провел пальцем по экрану.

— Эта сеть создавалась десятилетиями. Дворкин не просто приехал из Америки и начал свою деятельность. Он встроился в уже существующую систему. Систему, где грань между спецслужбами и «духовными борцами» стерта полностью.

Объявили посадку. Роберт и Алия встали, подхватив ручную кладь. Они шли по стеклянному коридору телетрапа, и с каждым шагом Париж оставался позади. Впереди была неизвестность. Болгария, Сербия, тени прошлого, которые могли убить в настоящем.

В самолете, когда они уже заняли свои места, Роберт посмотрел в иллюминатор. Дождь усилился, размывая огни аэродрома.

— Джек предупредил меня еще об одной вещи, — сказал он, когда стюардесса отошла.

— О чем?

— О том, что мы ищем не просто преступников. Мы ищем людей, которые верят, что имеют право переписывать историю и перекраивать карты. И они не прощают тех, кто заглядывает за кулисы.

— Мы уже за кулисами, Роберт, — ответила Алия, сжимая его руку. — Назад дороги нет.

Самолет начал разбег. Вдавливаясь в кресло, Роберт думал о Стефане. Журналист, который молчал столько лет. Что он хранит? Какие тайны скрыты в его архивах? И почему он решил заговорить именно сейчас?

Ответы ждали в Софии. Но вместе с ответами их ждала и опасность. Сеть, которую они преследовали, имела глубокие корни на Балканах. Корни, политые кровью.

Когда шасси оторвались от земли, Роберт закрыл глаза. Перед его внутренним взором всплыла фраза из отчета Джека: «*Наследие Кюннета в войне в Боснии*». Нацистский призрак, который они обнаружили в архивах, обрел плоть и кровь. Он надел военную форму, взял в руки крест и автомат. И он был жив. Сам отчет, как и массивы других данных Роберт никогда не носил с собой. Профессионалы не таскают компромат в карманах: любой случайный досмотр на границе мог стать фатальным. Весь их цифровой арсенал надежно скрывался на зашифрованных серверах, не оставляя никаких физических следов. А те немногие бумажные оригиналы, которые приходилось забирать лично, бесследно осели в анонимных банковских ячейках Парижа. При любом обыске они были абсолютно чисты.

— Мы найдем их, Майкл, — беззвучно прошептал Роберт. — Мы найдем каждого, кто превратил твою жизнь в оружие.

Полет на Восток начался. Они летели навстречу буре, которая зародилась тридцать лет назад, но гром от которой был слышен до сих пор. И этот гром предвещал новую войну, если они не успеют остановить механизм, запущенный в кабинетах «Белградского диалога».

Глава 5. Призраки Софии

София встретила их запахом угольной пыли и низким, давящим небом, которое, казалось, зацепилось брюхом за вершину горы Витоша. Город лежал в чаше, словно на дне огромного котла, где смешались эпохи: римские руины, османские мечети, помпезный сталинский ампи́р и современные стеклянные офисы, в которых отражалась серость дня.

Роберт Харрисон, он же Томас Вандербильт, стоял у окна своего номера в «Гранд Отеле София». Вид на Городской сад и Национальный театр был безупречен, как и полагается для человека, платящего тысячу евро за ночь. Но Роберт видел не архитектуру. Он видел тени.

— Здесь другой воздух, — произнесла Алия, выходя из ванной. Она была в белом халате, с полотенцем на голове, но её глаза уже сканировали пространство, привычно ища скрытые камеры в датчиках дыма. — В Париже пахло деньгами и лицемерием. Здесь пахнет...

— Памятью, — закончил за неё Роберт. — И страхом, который вьелся в бетон.

Он отошел от окна и проверил свой зашифрованный телефон. Джек не подвел. Контакт был подтвержден. Встреча через час, у собора Александра Невского. Легенда проста: богатые американцы наняли частного гида, специалиста по балканской истории, чтобы тот показал им «настоящую душу Восточной Европы».

— Ты готов услышать то, что он расскажет? — спросила Алия, сбрасывая халат и начиная одеваться. Её движения были быстрыми и точными, лишенными суеты. — Джек сказал, что Стефан — человек сложный. Он видел ад и вернулся оттуда с ожогами, которые не лечатся.

— Мы тоже видели ад, Алия, — Роберт поправил манжеты рубашки. — Просто наш ад был персональным, размером с одну школу в Атланте. А здесь ад был коллективным.

«Мерседес» отеля доставил их к площади перед собором. Громада храма с золотыми куполами возвышалась над городом, подавляя своим величием.

Стефан ждал их у подножия памятника Неизвестному солдату. Он не был похож на типичного гида. Высокий, худой, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, в которых, казалось, застряла пыль дорог бывшей Югославии. На нем была потертая кожаная куртка и шарф, небрежно обмотанный вокруг шеи. В руках он держал зонт-трость, больше напоминавший оружие, чем защиту от дождя.

— Мистер и миссис Вандербильт? — его английский был безупречен, но с твердым, как гранит, акцентом. — Я Стефан. Добро пожаловать в город мудрости, хотя мудрость здесь часто приходит слишком поздно.

— Рады встрече, Стефан, — Роберт протянул руку. Ладонь журналиста была сухой и жесткой. — Нам рекомендовали вас как человека, который знает не только даты, но и причины.

— Причины... — Стефан усмехнулся, и эта усмешка не коснулась его глаз. — Причины здесь всегда одни и те же. Кровь и чернила. И чернила часто страшнее. Пойдемте. Туристы обычно смотрят на купола, но я покажу вам фундамент.

Они медленно пошли по площади. Стефан говорил громко, как настоящий экскурсовод, рассказывая о царе-освободителе и византийском влиянии, но когда они свернули в более тихий переулок, его голос изменился. Он стал тише, глуше, словно он боялся разбудить призраков.

— Ваш друг Джек сказал, что вы ищете корни, — произнес он, не глядя на них, а сканируя улицу впереди. — Вы ищете тех, кто научил людей убивать соседей. Вы думаете, это началось с выстрелов? Нет. Это началось со слов.

— Мы знаем про «Диалог-центр», — тихо сказала Алия, идя под руку с Робертом. — Мы знаем про Данию.

— Дания была лабораторией, — кивнул Стефан. — Стерильной, чистой. Там профессора в белых воротничках рассуждали о «деструктивных культах». Но полигон был здесь. На Балканах. Здесь теорию проверили практикой.

Они остановились у небольшого кафе с открытой верандой, несмотря на прохладу. Стефан выбрал столик в углу, откуда просматривались оба входа на улицу.

— В девяностые годы, когда мир смотрел на нас с ужасом, здесь работала машина, — начал он, когда официант принес кофе. — Машина по переработке людей в зверей. И главными инженерами были не генералы. Ими были психиатры.

Роберт напрягся. Это совпадало с тем, что он читал в файлах Джека.

— Братислав Петрович? — спросил он.

Стефан поднял взгляд. В его глазах мелькнуло уважение.

— Вы сделали домашнее задание. Да, полковник Петрович. Нейропсихиатр из Военно-медицинской академии в Белграде. ВМА — это государство в государстве. Элита. И именно там, в кабинетах, пахнущих спиртом и старыми книгами, разрабатывалась стратегия «специальной войны».

Стефан достал из внутреннего кармана куртки сложенный лист бумаги. Это была ксерокопия старой газетной статьи.

— Знаете, что такое индоктринация? — спросил он. — Это не просто пропаганда. Пропаганда говорит вам, что думать. Индоктринация меняет то, как вы думаете. Она проникает в подсознание, ломает базовые настройки морали. Петрович и его группа психиатров из ВМА учили офицеров, что они воюют не с людьми. Они воюют с «сектантами». С «демоническими силами».

— Дегуманизация, — произнесла Алия. — Если враг не человек, его не жалко.

— Именно. Они взяли термин «секта» и растянули его, как резину, на целые народы. Хорваты? Католическая секта. Боснийцы? Исламская секта. Любая группа, которая не вписывалась в их концепцию «чистой нации», объявлялась тоталитарным культом. А с культом нельзя договариваться. Культ нужно уничтожить.

Роберт слушал, и перед его глазами вставала картина, пугающая своей циничностью. Врачи, дававшие клятву Гиппократу, использовали свои знания о человеческой психике, чтобы отключать в людях эмпатию.

— Я видел отчет доктора Младена Лончара, — продолжил Стефан. — Он писал для трибунала в Гааге. Он прямо назвал имена армейских психиатров, которые публиковали работы по «созданию и распространению слухов». Они писали: «Ненависть находит благодатную почву в среде, перегруженной предрассудками в отношении другой нации или группы. Ненависть, обусловленная предрассудками, в большинстве случаев провоцирует агрессивное поведение, направленное против другой нации, которая обвиняется во всех бедах и проблемах общества». И они удобряли эту почву. Каждый день. Через газеты, через телевидение, через церковные проповеди.

— Церковь тоже участвовала? — спросил Роберт, вспоминая фотографии священников с автоматами.

— О, это был идеальный брак, — горько усмехнулся Стефан. — Радикальное крыло церкви и психиатры-атеисты из коммунистического прошлого нашли общий язык на почве национализма. Они создали симбиоз. Священник говорил: «Бог с нами, они — слуги дьявола». Психиатр добавлял: «Они — жертвы ментальных манипуляций, они зомби, их нужно освободить через смерть».

Стефан отпил кофе, его рука слегка дрожала.

— Я расскажу вам одну историю. Она не про войну, она про то, что было после. Про то, как этот яд продолжает действовать. Есть такое место — Белый Поток. Небольшая деревня под Белградом. Там жила женщина, Драгана Букумирови. Сербка. Не враг, не шпион. Просто женщина, которая интересовалась индийской философией. Группа называлась «Санатан».

Роберт кивнул. Это название мелькало в отчетах.

— Полковник Петрович объявил эту группу «тоталитарной сектой». Он выступал по телевидению, писал статьи. Он использовал свой авторитет врача и офицера. И знаете, что случилось?

Стефан наклонился вперед, его голос стал жестким, как удар хлыста.

— Толпа соседей. Обычных людей, с которыми она здоровалась каждое утро. Они окружили её дом. В публикациях описывается реальная травля, дошедшая до нападений на имущество — вплоть до поджога. Они кричали угрозы и лозунги «против чужого».

Алия вздрогнула.

— Это звучит как средневековье.

— Это хуже, — сказал Стефан. — Это технология. Хельсинкский комитет задокументировал этот случай. Драгана пыталась уехать, но они окружили её машину и начали раскачивать её. Там были полицейские. Двое. И они просто стояли и смотрели. Потому что для них она больше не была гражданкой Сербии. Она была «сектанткой». А значит — вне закона.

Роберт почувствовал, как холод пробирает его до костей. Это было точное повторение того, что он читал о нацистской Германии.

— Бавария, — произнес он. — Восьмидесятые годы. Фридрих-Вильгельм Хаак. Толпа по отношению к негодным кричала: «Вас нужно повесить! Хайль Гитлер!».

Стефан посмотрел на него с удивлением, переходящим в признание.

— Вы видите связь. Да. Это одни и те же методы. Одни и те же лозунги. Петрович не изобрел велосипед. Он просто взял чертежи у лучших мастеров.

— Огорд был здесь? — спросил Роберт, хотя уже знал ответ. Ему нужно было подтверждение свидетеля.

— Йоханнес Огорд был гостем, — кивнул Стефан. — И не только он. Они приезжали в Белград в самые темные времена. Когда страна лежала в руинах, когда раны еще кровоточили, они проводили конференции. Всемирный конгресс по реабилитации в психиатрии. Звучит гуманно, правда?

Стефан достал еще один документ. Список участников конференции.

— Но обсуждали они не реабилитацию жертв войны. Они обсуждали «жертв тоталитарных сект». Они переключали внимание. Страна, совершившая геноцид, вдруг стала жертвой «мирового заговора культов». Это была

гениальная манипуляция. Они дали людям оправдание. «Мы не убийцы, мы защитники духовности».

— И Дворкин учился этому здесь? — спросил Роберт.

— Он не просто учился. Он был частью процесса. Он видел, как это работает в полевых условиях. Он видел, как слово превращается в действие. Как статья в газете сегодня становится погромом завтра. Он впитал этот опыт. И увез его в Россию.

Стефан замолчал, глядя на проходящих мимо людей. Молодые пары, туристы, студенты. Они смеялись, пили кофе, делали селфи. Они не знали, что ходят по земле, пропитанной ненавистью, которую тщательно культивировали люди с учеными степенями.

— Знаете, что самое страшное? — тихо спросил Стефан. — Война закончилась в 1995 году. Дейтонские соглашения, миротворцы, все дела. Но в головах война не закончилась. Индоктринация — это не выключатель, который можно просто щелкнуть. Это вирус. Он остается в системе навсегда.

Он указал на группу подростков, громко спорящих о чем-то на углу.

— Те, кто тогда кричал про топор и веревку, воспитали детей. И эти дети выросли с мыслью, что мир делится на «нас» и «них». На людей и сектантов. На православных и врагов. Петрович и его команда заложили мину замедленного действия под будущее всего региона.

Роберт вспомнил Майкла. Вспомнил, как сын изменился за несколько месяцев. Как он стал чужим. Как он начал говорить фразами, которые ему не принадлежали.

— Это технология расчеловечивания, — сказал Роберт. — Она универсальна. Неважно, кто цель — мусульмане в Боснии, евреи в Германии или школьники в Америке. Механизм один. Изоляция. Обвинение. Дегуманизация. Ликвидация.

— И легитимизация, — добавил Стефан. — Это ключевой момент. Им нужна идеология, чтобы оправдать себя. Социолог Лео Купер писал об этом: «По крайней мере, когда они действуют коллективно, им нужна идеология, чтобы

легитимизировать своё поведение — иначе им пришлось бы увидеть себя и друг друга такими, какие они есть: обычными ворами и убийцами».

Алия достала из сумочки диктофон, замаскированный под губную помаду.

— Стефан, у вас есть доказательства? Документы, записи? Не просто газетные вырезки. Нам нужно то, что свяжет этих людей с конкретными преступлениями.

Стефан посмотрел на неё долгим, оценивающим взглядом.

— Вы просите многого, миссис Вандербилт. То, что вы ищете, может стоить жизни. Здесь, на Балканах, жизнь стоит дешево, а информация — дорого.

— Мы готовы платить, — сказал Роберт.

— Дело не в деньгах, — отмахнулся Стефан. — Дело в справедливости. Я устал носить эти тайны. Я устал видеть, как те же самые люди, которые разжигали войну, теперь сидят в президиумах и учат нас морали.

Он наклонился ближе к столу.

— У меня есть архив. Но он не здесь. Он в Белграде. У человека, которому я доверяю больше, чем себе. Его зовут Марко. Он работал оператором на телевидении в те годы. Он снимал то, что не попадало в эфир.

Роберт и Алия переглянулись. Белград. Логово зверя.

— Что на этих записях? — спросил Роберт.

— Правда, — ответил Стефан. — Голая, неприкрытая правда о Сребренице. О том, как «Красные береты» и «Тигры Аркана» — элитный спецназ — охотились на людей, как на зверей. И о том, кто их благословлял на это. Там есть кадры, где видно, как идеология переходит в действие.

Стефан достал из кармана пачку сигарет, но не закурил, просто вертел её в пальцах.

— Я читал интервью одного из этих солдат. Он говорил: «Это было почти как игра, охота в кошки-мышки... Никаких пленных». Они оставляли людей в живых только для того, чтобы передать их местным жителям для расправы.

«Просто чтобы они были довольны». Понимаете? Они превратили убийство в социальный акт, в развлечение для толпы.

Роберт почувствовал, как внутри него поднимается волна гнева. Это было не просто преступление. Это было осквернение самой сути человечности. И люди, создавшие эту систему, до сих пор были на свободе. Они получали гранты от французского правительства. Они выступали в университетах.

— Как нам найти Марко? — спросил Роберт.

— Это будет непросто. Белград сейчас — это город глаз. Спецслужбы, БИА, контролируют всё. Особенно иностранцев. Особенно тех, кто задает вопросы о прошлом.

Стефан вырвал листок из блокнота и быстро написал на нем несколько цифр и фразу на сербском.

— Это частота радио В92. И кодовая фраза. Марко слушает эфир. Если вы передадите сообщение, он поймет. Но вы должны быть там лично. Он не передаст кассету курьеру.

— Мы поедem, — твердо сказал Роберт.

— Будьте осторожны, — Стефан сжал руку Роберта. — Вы входите в зону, где законы логики не работают. Там правят мифы. И те, кто охраняет эти мифы, очень опасны. Они считают себя спасителями нации, а вас — угрозой их священной войне.

Они расплатились и вышли на улицу. Ночной София стала еще мрачнее. Фонари отбрасывали длинные тени, которые, казалось, тянулись к ним, пытаясь схватить за ноги.

— Вальтер Кюннет, — задумчиво произнесла Алиа, когда они шли обратно к отелю. — Нацистский богослов. Его идеи пережили Рейх, пережили холодную войну и расцвели здесь, на руинах Югославии. Это как раковая опухоль, которая дает метастазы через поколения.

— И теперь эти метастазы в Париже, в Праге, в Лондоне, — ответил Роберт. — Мы видели начало в Дании. Мы видели результат здесь. Теперь нам нужно получить доказательство преступления.

Они подошли к отелю. Швейцар в ливрее открыл перед ними дверь, улыбаясь дежурной улыбкой. Для него они были просто богатыми туристами, вернувшимися с прогулки. Но Роберт чувствовал себя солдатом, который только что получил карту минного поля.

В номере Алия сразу же включила ноутбук, проверяя маршруты до Белграда.

— Поездом или машиной? — спросила она.

— Машиной, — решил Роберт. — Нам нужна мобильность. И возможность свернуть с трассы, если заметим хвост.

Он подошел к окну. София засыпала, но он знал, что призраки этого города никогда не спят. Слова Стефана звучали у него в голове: «Дайте нам веревку и топор». Это был не просто крик толпы. Это был диагноз цивилизации, которая позволила убедить себя в том, что убийство может быть добродетелью.

Теперь, после разговора со Стефаном, цифры в отчетах обрели новый смысл. Каждый евро, выделенный французским правительством FECRIS, был инвестицией в эту ненависть. Каждый грант был патроном в обойме тех, кто хотел повторить Сребреницу в масштабах Европы.

— Алия, — позвал он.

— Да?

— Посмотри на это фото.

Он положил на стол снимок, который дал Стефан. Подпись на обороте утверждала: Белград, 1997 год. В первом ряду сидел полковник Петрович — по крайней мере, так его обозначили в подписи — в форме. Рядом с ним — человек с окладистой бородой, в гражданском костюме. Они о чем-то оживленно беседовали, улыбаясь друг другу.

— Они выглядят счастливыми, — заметила Алия. — Если подпись верна, вокруг разруха, тысячи погибших, миллионы беженцев. А они улыбаются.

— Потому что для них это был успех, — сказал Роберт. — Они построили свой идеальный мир. Мир без инакомыслия. Мир тотального контроля. И они хотят экспортировать эту модель повсюду.

Он убрал фото в карман. Это было больше, чем улика. Это была мотивация.

— Завтра мы выезжаем в Сербию, — сказал Роберт. — Мы заберем эту кассету. И мы заставим их перестать улыбаться.

За окном начал накрапывать дождь, смывая пыль с улиц Софии, но не способный смыть кровь, пропитавшую историю этих мест. Они ехали в сердце тьмы, туда, где тени прошлого были живыми и голодными. И где слово «секта» было равносильно смертному приговору.

На столе завибрировал телефон. Пришло сообщение от Джека: «Граница усилена. Будьте внимательны. Вас могут ждать».

Роберт выключил свет. В темноте номера красный огонек датчика дыма мигнул, словно глаз хищника. Охота продолжалась, и теперь они сами становились добычей.

Глава 6. Карта ненависти

Подвал, в который их привел Стефан, находился в неприметном здании на окраине Софии, в районе, застроенном безликими бетонными коробками социалистической эпохи. Снаружи это выглядело как заброшенный архив или склад старой мебели, но внутри воздух был сухим и прохладным, насыщенным запахом озона от работающих серверов и пылью десятилетий.

Стефан запер за ними тяжелую металлическую дверь, лязг засова прозвучал в тишине как выстрел.

— Добро пожаловать в мою коллекцию кошмаров, — произнес он, щелкая выключателем.

Люминесцентные лампы на потолке замигали и, наконец, залили помещение мертвенно-бледным светом. Вдоль стен тянулись стеллажи, забитые картонными коробками, папками с завязками и стопками видеокассет формата

VHS. В центре стоял широкий стол, заваленный газетными вырезками и картами.

Роберт Харрисон медленно прошел вдоль рядов. Он чувствовал себя археологом, вскрывшим гробницу, но вместо золота здесь хранились свидетельства человеческого безумия.

— Вы спрашивали, как это работает, — Стефан подошел к столу и смахнул стопку бумаг, освобождая место. — Как можно заставить соседа убить соседа, с которым они пили кофе двадцать лет? Вы думаете, это происходит внезапно? Вспышка ярости? Нет. Это инженерия. Холодная, расчетливая инженерия.

Он достал из ящика стола старую папку и бросил её перед Робертом. На обложке была эмблема Военно-медицинской академии Белграда — ВМА.

— Братислав Петрович, — произнесла Алиа, узнавая имя. — Тот самый полковник.

— Он самый. Нейропсихиатр. Человек, дававший клятву Гиппократу, — Стефан открыл папку. Внутри были схемы, графики и тексты на сербском, испещренные пометками. — ВМА была не просто госпиталем. Это был мозговой центр. В начале девяностых Петрович и его коллеги, такие как полковник Гойко Капор, поняли одну вещь: чтобы выиграть войну за территории, нужно сначала выиграть войну за сознание. Но не путем убеждения. А путем взлома.

Роберт взял в руки один из документов. Даже не зная языка, он понимал структуру. Это была инструкция. Алгоритм.

— Они называли это «психологической подготовкой», — продолжил Стефан, закуривая сигарету. Дым поплыл к вентиляционной решетке. — Но на деле это была программа по отключению эмпатии. Они использовали научный подход. Знаете, как работает мозг, когда видит угрозу? Амигдала активируется, включается стресс-реакция, а способность к спокойной оценке и самоконтролю часто падает. Петрович учил офицеров искусственно вызывать это состояние у солдат и гражданских.

Стефан вытащил из стопки подшивку сербской прессы за 1991 год. Бумага пожелтела и стала хрупкой, но заголовок кричал жирным шрифтом.

— Смотрите сюда. Это классика жанра. Статья о том, что в Вуковаре хорватские «усташи» убили сорок сербских детей. Сорок. Детей.

Роберт почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

— Это правда? — спросил он, хотя уже догадывался об ответе.

— История не подтвердилась и затем была опровергнута, — жестко отрезал Стефан. — Её подхватили даже международные агентства, но потом отозвали.

Весна Босанац, руководившая больницей Вуковара, позже в показаниях говорила, что такие «вбросы» могли быть выпущены намеренно — чтобы разжечь ярость и развязать руки тем, кто придёт «мстить». Но эта статья вышла накануне штурма и падения города — в самый момент, когда ненависть нужно было довести до кипения. И знаете, что случилось?

Стефан затянулся, его лицо в резком свете лампы казалось высеченным из камня.

— Солдаты и добровольцы, прочитавшие это, перестали видеть в жителях Вуковара людей. Они видели детоубийц. Монстров. Эта ложь стала спусковым крючком для резни в Овчаре. Двести шестьдесят четыре человека были казнены. Их убивали не как солдат. Их убивали как бешеных собак. Потому что в головах палачей уже была заложена программа: «Это не люди. Это зло, которое нужно искоренить».

Алия взяла газету, внимательно изучая иллюстрацию.

— Это картина, — заметила она. — Это не фотография с места событий.

— Верно, миссис Вандербилт. Это картина художника Уроша Предица, написанная в 1888 году. Её название — «Siroče na majčinom grobu» («Сирота на могиле матери»). Они просто взяли старое изображение, оформили его как “актуальную иллюстрацию” к военному репортажу и скормили это публике. И никто не проверил. Потому что страх сужает внимание и делает людей менее склонными проверять факты.

Роберт отошел от стола, чувствуя потребность в движении. Параллели были пугающими. Он вспоминал, как американские СМИ освещали стрельбу в

школах. Как формировался образ «одинокого волка», как тиражировались манифесты убийц.

— Это технология, Роберт, — голос Стефана звучал у него за спиной. — Профессор Массимо Интровинье называл это «Римской формулой». Три этапа. Первый — нетерпимость. Вы создаете атмосферу, где инакомыслие вызывает раздражение. Второй — дискриминация. Вы принимаете законы или негласные правила, ограничивающие права этой группы. И третий — преследование. Физическое уничтожение.

Стефан подошел к доске на стене и маркером нарисовал три ступени.

— Петрович и его кураторы из антикультовой сети, включая ваших друзей из «Диалог-центра», мастерски владели этой формулой. Они начали с дегуманизации. Знаете, как они называли боснийских мусульман или хорватов в своих закрытых методичках? Не врагами. Это было бы слишком почетно.

— Как? — спросил Роберт.

— «Тараканы». «Чужие». «Биомасса».

Слово повисло в воздухе. Роберт вспомнил Руанду. Радио «Тысячи холмов». Там тоже использовали слово «тараканы».

— Это универсальный код, — продолжил Стефан. — Если вы убедите человека, что перед ним таракан, он раздавит его ногой и пойдет ужинать. Он не будет чувствовать мук совести. Это вопрос санитарии, а не морали. Петрович внедрял именно эту идею. Он использовал психиатрию, чтобы объявить целые народы «ментально больными», «зараженными сектантским вирусом». А вирус нужно лечить огнем.

Алия перебирала фотографии на столе. На одной из них был изображен молодой солдат в красном берете. Его взгляд был пустым, расфокусированным.

— Я брал интервью у одного из них, — тихо сказал Стефан, заметив, на что она смотрит. — Его звали Ненад. Спецназ «Красные береты». Элита. Я спросил его о Сребренице. О том, как они убили тысячу пленных на складе в Кравице. Знаете, что он ответил? Он говорил, что поскольку использовали гранаты, всё было в ужасном виде — куски тел и повсюду кровь. И возникла проблема, как

избавиться от всех этих тел. Как он сказал, это уже проблема инженерных частей.

— «Проблема инженерных частей», — повторил Стефан. — Никакого раскаяния. Никакого ужаса. Для него это была логистика. Уборка мусора. Вот чего добился Петрович. Он создал идеальных солдат, лишенных человечности. Биороботов.

Роберт сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

— Майкл, — прошептал он. — Мой сын. Он был таким же. В последние дни... он смотрел на нас, но не видел родителей. Он видел цели.

Стефан внимательно посмотрел на Роберта. В его взгляде появилось что-то новое — не жалость, но понимание солдата, встретившего другого солдата в окопе.

— Ваш сын стал жертвой той же сети, мистер Вандербилт. Только инструменты изменились. В девяностые они использовали дегуманизацию, в том числе через газеты и телевидение. Сейчас используют интернет, социальные сети, алгоритмы и технологию «пазлового кодирования».

— Что это значит? — спросила Алия.

— Представьте, что вы собираете пазл, — начал объяснять Стефан, расхаживая по комнате. — Вам не дают всю картину сразу. Вам дают кусочки. Статья о насилии здесь. Видеоролик с унижением там. Комментарий о том, что мир несправедлив. Новость о том, что полиция коррумпирована. По отдельности это просто информационный шум. Но в подсознании эти кусочки складываются в единую картину, что-то вроде: «Ты окружен врагами. Ты исключительный. Только ты можешь восстановить справедливость. Уничтожь».

Он остановился перед Робертом.

— Это называется прайминг. Эффект предшествования. Медиа готовят почву. Они накачивают атмосферу страхом и ненавистью. А потом нужен только триггер. Одно слово. Один образ. И человек берет винтовку и идет в школу. Или на концерт. Или в мечеть.

Роберт вспомнил документы, которые они нашли в Париже. Финансирование FECRIS. Связи с Россией.

— Значит, то, что мы видим сейчас в Европе — стрельба в Праге, беспорядки в Британии — это не случайности? — спросил он.

— Случайностей не бывает, когда речь идет о таких масштабах, — усмехнулся Стефан. — Кто-то дергает за ниточки. Кто-то очень хочет, чтобы Европа погрузилась в хаос. И этот кто-то использует старые наработки ВМА и Кюннета.

Стефан подошел к карте Европы, висящей на стене. Она была испещрена красными булавками.

— Смотрите. Это география ненависти. Она не знает границ. Дворкин и его РАЦИРС — это координационный центр. Они взяли методы Петровича, методы нацистов, оцифровали их и экспортируют по всему миру. Они создают «спящие ячейки». Не людей с бомбами, нет. Людей с разрушенной психикой, готовых взорваться от одного сигнала.

Он ткнул пальцем в точку, обозначающую Вену.

— Теракт на концерте Тейлор Свифт. Вы думаете, это просто фанатики? Это операция. Цель — создать страх. Страх парализует волю. Испуганным стадом легче управлять. А потом приходят «спасители» — антикультисты, которые говорят: «Мы защитим вас от этих безумцев, только дайте нам власть и деньги».

Алия подошла к столу и взяла в руки еще один документ. Это был список участников конференции «Белградский диалог».

— Они все здесь, — сказала она. — Петрович, Дворкин, представители французских организаций. Они обменивались опытом. Они совершенствовали машину смерти.

— И они продолжают это делать, — кивнул Стефан. — Но у меня есть кое-что, чего они боятся больше всего. Доказательство того, что это не теория заговора, а задокументированный факт.

Он подошел к сейфу в углу комнаты, набрал код и достал небольшую видеокассету формата Hi8.

— Это копия, — сразу предупредил он. — Оригинал у Марко в Белграде. Но даже копия опасна.

— Что на ней? — спросил Роберт.

— Эксперимент, — коротко ответил Стефан. — Военно-медицинская академия (ВМА) проводила полевые испытания. На этой записи видно, как группа солдат подвергается воздействию. Сначала — лекция, благословляющего оружие. Потом — сеанс с психиатром, использующим специальные техники и визуальные стимулы. А потом... потом их отправляют в деревню.

Стефан не стал продолжать. Тишина в подвале стала оглушительной.

— На этой пленке есть лица, — наконец сказал он. — Лица тех, кто отдавал приказы. И лица тех, кто наблюдал за процессом с блокнотами в руках.

Роберт понял. Если на этой пленке есть люди, вовлеченные в антикультовую деятельность, наблюдающие за подготовкой военных преступников, это конец их легитимности. Это доказательство соучастия в геноциде.

— Нам нужен оригинал, — твердо сказал Роберт. — Копию в суде не примут. Цифровую запись можно объявить дипфейком. Нам нужен физический носитель с отпечатками времени.

— Марко ждет, — кивнул Стефан. — Но добраться до него будет непросто. Белград сейчас — это банка с пауками. Спецслужбы знают, что вы здесь. Они знают, что вы встречались со мной.

— Почему вы помогаете нам? — спросила Алиа. — Вы рискуете жизнью.

Стефан посмотрел на свои руки. На костяшках были старые шрамы.

— Потому что я видел глаза тех детей в Вуковаре, которых «не существовало». Потому что я устал от того, что убийцы пишут мемуары и получают гранты. Зло должно быть названо по имени. Иначе оно вернется. Оно уже возвращается.

Он убрал кассету обратно в сейф. Стефан выключил свет над столом, оставив гореть только одну лампу у выхода. Тени в углах комнаты сгустились,

превращаясь в призраков тех, кто не пережил эксперименты «инженеров человеческих душ».

— Вы едете в самое сердце тьмы, мистер Вандербильт, — сказал журналист, открывая дверь. — В Белграде тени длиннее, чем где-либо. И они умеют кусаться.

Роберт вышел на ночную улицу, вдохнув холодный воздух. Голова гудела от информации. Теперь он видел всю картину целиком. Это была не просто коррупция. Это была война против человеческой природы.

Они сели в машину. Роберт завел двигатель, но не тронулся с места. Он смотрел на свои руки, лежащие на руле. Руки, которые когда-то учили сына держать удочку. Теперь эти руки должны были разрушить механизм, который убил его мальчика.

— Мы достанем эту кассету, — произнес он. — Чего бы это ни стоило.

В зеркале заднего вида он увидел, как Стефан закрывает дверь своего «архива». Старый журналист оставался хранителем памяти, но Роберт и Алиа должны были стать мечом возмездия.

Машина тронулась, разрезая фарами темноту софийских улиц. Впереди была Сербия. Роберт включил радио. Сквозь помехи пробивалась какая-то поп-музыка, веселая и беззаботная. Но теперь, зная про скрытые стимулы и манипуляции, Роберт слышал в этом шуме совсем другое. Он слышал тиканье часового механизма.

— Они думают, что мы просто туристы, — сказала Алиа, глядя на карту в планшете. — Пусть думают.

— Скоро они узнают, кто мы, — ответил Роберт. — Но будет уже поздно.

Он нажал на газ, и внедорожник рванул вперед, унося их прочь от призраков прошлого навстречу реальной опасности настоящего. Игра перешла на новый уровень.

Глава 7. Белградский гамбит

Пограничный переход Градина встретил их очередью из фур, растянувшейся на километры, и тяжелым, свинцовым небом, которое, казалось, опустилось прямо на крыши таможенных будок. Роберт Харрисон, сжимающий руль арендованного в Софии внедорожника, чувствовал, как напряжение, копившееся всю дорогу от Болгарии, сгущается в плотный ком в солнечном сплетении.

Это было не то напряжение, что в Париже. Там опасность была стерильной, бюрократической, скрытой за улыбками консьержей и блеском витрин. Здесь, на границе Балкан, воздух пах чем-то неуловимо тревожным — запахом старой, ввевшейся в землю крови, которую не смыли дожди последних десятилетий.

— Улыбайся, — тихо произнесла Алия, не поворачивая головы. Она смотрела в боковое зеркало, но Роберт знал, что она сканирует периметр. — Мы просто богатые туристы, решившие посмотреть на крепости и монастыри. Мистер и миссис Вандербильт в поисках экзотики.

Роберт натянул на лицо дежурную, слегка скучающую улыбку. Он протянул паспорта пограничнику — грузному мужчине с усталыми глазами и расстегнутой верхней пуговицей форменной рубашки. Тот взял документы, лениво пролистал страницы, но его взгляд задержался на них на долю секунды дольше, чем требовалось.

— Америка? — спросил он на ломаном английском, переводя взгляд с паспорта на Роберта.

— Путешествуем, — ответил Роберт, стараясь, чтобы голос звучал расслабленно. — София, теперь Белград. Жена хочет увидеть слияние Савы и Дуная.

Пограничник хмыкнул, шлепнул штамп и вернул паспорта.

— Добро пожаловать в Сербию.

Шлагбаум поднялся. Роберт плавно нажал на газ, и машина покатила по нейтральной полосе. Но чувство, что этот ленивый взгляд был не случайным, не отпускало. В мире, где они теперь жили, случайностей не существовало.

— Он сканировал нас, — сказала Алия, когда они отъехали от КПП. — Не просто проверял визы. Он сверял лица с ориентировкой.

— Паранойя — наш лучший друг, но не давай ей рулить, — ответил Роберт, хотя сам думал о том же. — Стефан предупреждал, что БИА — Агентство безопасности и информации — контролирует все въезды. Если наши имена, даже фальшивые, попали в систему «флажков», то таймер уже запущен.

Дорога на Белград петляла среди холмов, покрытых уже пожухлой осенней травой. Сербия открывалась перед ними не как туристическая открытка, а как суровая реальность. Бетонные остовы недостроенных домов, старые «Юго», обгоняющие их на поворотах, и вездесущие граффити. Но за этой внешней неустроенностью Роберт чувствовал жесткую структуру. Это была страна, которая пережила бомбардировки, санкции и изоляцию, и выработала иммунитет к чужакам.

Они въехали в Белград, когда сумерки начали окрашивать город в сизые тона. Столица встретила их хаотичным движением, гудками клаксонов и монументальной архитектурой, в которой имперское величие смешивалось с социалистическим брутализмом.

Отель «Москва» — легендарное здание в стиле модерн на площади Теразие — был их целью. Выбор был не случайным. В таких местах, где история сочится из каждого ковра, легче затеряться на виду, чем в безликом бизнес-отеле на окраине.

Пока портье выгружал их чемоданы, Роберт огляделся. Лобби было наполнено звуками фортепиано и приглушенными разговорами. Люди пили кофе, курили, читали газеты. Но Роберт, чьи инстинкты были обострены до предела, видел другое.

Мужчина в кожаной куртке у входа, который слишком внимательно изучал меню ресторана, но не заходил внутрь. Девушка с ноутбуком в углу, чей экран

был повернут так, чтобы никто не видел содержимого, но чьи глаза периодически стреляли по вестибюлю.

— Мы в аквариуме, — шепнул он Алии, когда они поднимались в лифте.

— Я заметила, — кивнула она. — Двое на входе. Один на улице. Это не частная охрана. У них выправка.

Номер был роскошным, с высокими потолками и тяжелыми порттьерами. Первым делом Алиа достала детектор нелинейных переходов и начала методично обходить комнату. Роберт включил телевизор на полную громкость — какой-то местный музыкальный канал — и подошел к окну.

Внизу текла жизнь Белграда. Но где-то там, в лабиринте улиц, был человек по имени Марко. Человек, который хранил ключ к уничтожению репутации тех, кто убил его сына.

— Чисто, — сказала Алиа через десять минут, убирая прибор. — Или они используют технологии, которые мой сканер не берет. Что маловероятно для отеля, но вполне вероятно для «Службы».

— Будем исходить из того, что нас слушают, — решил Роберт. — Говорим только о достопримечательностях и еде. Все остальное — на бумаге или на улице.

Он достал из кармана маленький радиоприемник, купленный еще в Софии. Стефан сказал, что Марко — старый радийщик. Он слушает эфир В92, по старой привычке, даже если времена и форматы сменились. Код был простым: если в эфире прозвучит определенная песня в определенное время, значит, Марко получил сообщение от Стефана и готов к контакту. Но не лично.

Роберт настроил частоту. Эфир шипел, прорываясь сквозь помехи голосами ведущих.

— Ждем, — сказал он, садясь в кресло.

Часы тянулись мучительно медленно. Роберт вспоминал слова Стефана: *«Белград — это город, где стены имеют уши, а уши имеют погоны»*. Антикультисты здесь были не просто общественниками. Они были частью системы. Братислав Петрович, полковник ВМА, был не маргиналом, а уважаемым человеком, интегрированным в элиту. И люди, которые защищали

его наследие, сидели в кабинетах с видом на Дунай и имели право носить оружие.

В 20:00, как и было обещано, диджей объявил ретро-блок. Зазвучала песня EKV «Krug». Это был сигнал.

Роберт и Алиа переглянулись.

— Пора ужинать, дорогая, — громко сказал Роберт. — Я слышал, в Скадарлии отличная кухня.

Они вышли из отеля, оставив в номере все электронные устройства, кроме «чистых» телефонов. Вечерний Белград был прохладным и ветреным. Они взяли такси, но вышли за два квартала до туристического района, нырнув в переулки Дорчولا.

Это была проверка. Если за ними был «хвост», он должен был проявиться сейчас.

Роберт вел Алию под руку, останавливаясь у витрин, резко меняя направление, якобы в поисках нужного адреса.

— Серый «Фольксваген», — тихо сказала Алиа, когда они свернули на улицу Страхиныча Бана. — Он был у отеля. Теперь он здесь.

— Вижу, — Роберт не подал виду. — Они ведут нас плотно. Не скрываются.

— Что будем делать? Марко не выйдет на контакт, если увидит хвост.

— Мы не идем к Марко, — напомнил Роберт. — Мы идем к посреднику. И посредник знает, как играть в эти игры.

Место встречи было выбрано идеально — шумный бар «Black Turtle», забитый студентами и молодежью. В таком хаосе, в облаках табачного дыма и под громкую музыку, наблюдение вести сложнее всего.

Они протиснулись к барной стойке. Роберт заказал два пива. Он чувствовал спиной взгляды, но в этой толпе было невозможно выделить конкретного наблюдателя.

Через пять минут к ним подошла девушка. На вид ей было не больше двадцати пяти. Короткая стрижка, пирсинг в носу, потертая джинсовка. Она

выглядела как типичная посетительница этого места, студентка философского факультета или художница.

Она встала рядом с Алией, ожидая своего заказа.

— У Вандербильтов обычно другой вкус в напитках, — произнесла она по-английски, глядя прямо перед собой на ряды бутылок.

Роберт напрягся. Это была она. Невена.

— Мы любим пробовать местный колорит, — ответил он, не поворачиваясь.

— Колорит здесь может быть ядовитым, — девушка взяла свой стакан. — Не оборачивайтесь. Слушайте. Марко не придет. Его дом под наблюдением уже три дня. С тех пор как Стефан вышел на связь, вокруг него кружат стервятники.

— Кто? — спросил Роберт.

— Те, кто не хочет, чтобы прошлое всплыло. Люди из «Службы». И их друзья из «Центра антропологических исследований» — так теперь называют себя ваши антикультисты. Они сменили вывески, но методы остались прежними.

Невена сделала глоток пива, её рука слегка дрожала, выдавая напряжение.

— Марко напуган. Он старый человек, он помнит девяностые. Он знает, что бывает с теми, кто хранит такие архивы. Он хотел уничтожить кассету, когда понял, что вы едете.

— Он не может этого сделать, — жестко сказала Алиа. — Это единственное доказательство.

— Он знает. Поэтому он послал меня. Он мне доверяет. Но передача не может произойти здесь. И не может произойти просто так.

Невена наконец повернулась к ним. В её глазах Роберт увидел смесь страха и решимости. Это был взгляд человека, который вырос в стране, где политика — это контактный вид спорта.

— Вы привели за собой хвост, — констатировала она. — Я видела их на углу. Двое. Профессионалы. Они не тронут вас здесь, слишком много свидетелей. Но они ждут, когда вы сделаете ошибку.

— Как нам получить кассету? — спросил Роберт.

— Завтра. В полдень. Есть место, где «Служба» слепа. Или, по крайней мере, где у нас есть преимущество. Земунское кладбище. Старая часть.

— Кладбище? — переспросил Роберт. — Слишком кинематографично.

— Слишком практично, — отрезала Невена. — Там много выходов. И там лежит мой дед. Никто не удивится, если я приду туда. А вы... вы будете туристами, которые заблудились в поисках башни Гардош.

Она достала из кармана пачку сигарет, вытащила одну и, прикуривая, быстро сунула в руку Алии сложенную бумажку.

— Это схема. Изучите и сожгите. Если вы не придете, Марко уничтожит кассету. Он не станет рисковать семьей ради вашей правды.

Невена выдохнула дым в потолок и, не прощаясь, растворилась в толпе.

Роберт и Алиа остались у стойки. Бумажка жгла ладонь Алии.

— Уходим, — сказал Роберт. — Медленно. Допиваем пиво и уходим.

Обратный путь в отель был похож на проход по минному полю. Теперь, когда контакт состоялся, паранойя усилилась стократно. Каждый прохожий казался агентом. Каждая машина, притормозившая рядом, вызывала выброс адреналина.

В номере они не включали свет. Уличные фонари отбрасывали на стены длинные, ломаные тени. Алиа развернула записку Невены, подсвечивая её экраном телефона.

Это была карта кладбища с отмеченной точкой у старого склепа. И короткая приписка: *«Они знают, кто вы. Вандербильты умерли в Софии. Здесь вы — мишени».*

Роберт подошел к окну, прячась за плотной шторой. Серый «Фольксваген» все еще стоял внизу. Рядом с ним появилась еще одна машина — черный джип без номеров.

— Ситуация ухудшается, — констатировал он. — Они усилили наблюдение. Видимо, встреча в баре не прошла незамеченной. Они видели, что мы с кем-то говорили, но не успели перехватить Невену.

— Значит, они будут ждать завтра, — сказала Алия. — Они поймут, что передача еще не состоялась.

Роберт сел на край кровати. Он думал о Марко. О человеке, который тридцать лет хранил доказательства преступлений, боясь каждого стука в дверь. И о Невене, молодой девушке, которая ввязалась в игру, ставок в которой, возможно, не понимала до конца.

— Знаешь, что меня больше всего беспокоит? — спросил он в темноту.

— Что?

— Связь с государством. Стефан был прав. В Париже антикульт — это паразиты, сосущие бюджет. Здесь они — часть иммунной системы режима. Они нужны власти. Они оправдывают репрессии, они создают образ врага. Если мы тронем их здесь, мы тронем само государство.

Алия подошла к нему и положила руку на плечо.

— Мы уже тронули, Роберт. Назад дороги нет. Если мы уедем сейчас, Марко уничтожит кассету, и все будет зря. Смерть Майкла, наше расследование, риск Стефана.

— Я не собираюсь уезжать, — голос Роберта стал твердым. — Я просто оцениваю риски. Завтра в Земуне будет не просто передача. Это будет операция. И нам придется действовать не как туристам, а как оперативникам.

Он вспомнил лицо пограничника. Вспомнил взгляды в лобби. Вспомнил слова Невены о «Службе». Это была не просто слежка. Это была охота. Загонщики расставляли флажки, сужая круг.

— Нам нужно сбросить хвост перед встречей, — сказал Роберт. — Иначе мы приведем их прямо к Невене.

— В Белграде это сложно, — заметила Алия. — Город просматривается. Мосты — узкие места.

— Мы придумаем что-нибудь. У нас есть ночь.

Роберт лег на кровать, не раздеваясь. Сон не шел. Он слушал звуки отеля — скрип лифта, шаги в коридоре. Каждый звук казался угрозой.

Он думал о кассете. Что на ней? Стефан говорил об экспериментах над сознанием. О том, как людей превращали в зверей. Если это правда, если на пленке есть лица тех, кто сейчас сидит в высоких кабинетах в Москве и Париже, то эта маленькая пластиковая коробочка опаснее любой бомбы.

И именно поэтому за ней охотятся не только они.

В три часа ночи Роберт услышал тихий щелчок. Звук исходил от входной двери. Кто-то осторожно пробовал ручку.

Роберт мгновенно скатился с кровати. Алия уже была на ногах, прижавшись к стене с другой стороны проема.

Ручка медленно повернулась, затем вернулась в исходное положение. Замок был заперт на засов изнутри. Тишина за дверью была плотной, осязаемой. Затем послышались едва слышные удаляющиеся шаги по мягкому ковру коридора.

— Проверка, — одними губами произнес Роберт. — Они проверяют, спим ли мы. Или насколько мы беспечны.

— Они нервничают, — прошептала Алия. — Они не знают, что у нас есть, и не знают, с кем мы связаны. Неопределенность — наше единственное преимущество.

— Завтра будет тяжелый день, — сказал Роберт. — Белградский гамбит. Мы жертвуем безопасностью ради позиции.

Остаток ночи они провели по очереди дежуря у двери. Белград за окном спал тревожным сном, скрывая в своих тенях тайны, за которые люди готовы были убивать. И где-то там, в темноте, лежала кассета, на которой были записаны крики жертв и холодные приказы палачей. Кассета, которая могла стать приговором для всей сети антикультистов, опутавшей Европу.

Утром, когда первые лучи солнца коснулись купола Скупщины, Роберт знал одно: сегодня они либо получают доказательства, либо исчезнут в водах Дуная, как многие до них, кто посмел задавать лишние вопросы в этом городе.

Он посмотрел на карту, которую дала Невена. Земунское кладбище. Место мертвых. Идеальное место, чтобы похоронить правду — или воскресить её.

— Пора, — сказал он Алии. — Давай покажем им, что Вандербильты умеют кусаться.

Они вышли из номера, готовые к игре, в которой правила менялись на ходу, а судьей был человек с пистолетом в кармане кожаной куртки.

Глава 8. Точка невозврата

Земунское кладбище дышало сыростью и вечностью. Расположенное на склоне холма Гардош, оно напоминало слоеный пирог из истории, где православные кресты соседствовали с католическими надгробиями и еврейскими плитами, поросшими мхом. С этой высоты Дунай казался широкой серой лентой, лениво огибающей Белград, но Роберт Харрисон не смотрел на реку. Его взгляд, скрытый за темными стеклами очков «Tom Ford», методично нарезал пространство на сектора обстрела и пути отхода.

Они с Алией поднимались по извилистой брусчатой дорожке, изображая праздных туристов, решивших прикоснуться к старине. Роберт держал в руках путеводитель, но его пальцы сжимали бумагу слишком сильно, выдавая напряжение, которое звенело в воздухе, как натянутая струна.

— Сектор три, — тихо произнесла Алиа, поправляя шелковый платок на шее. — Мужчина у ворот. Читает газету. Слишком статичен для такой погоды.

— Вижу, — отозвался Роберт, не меняя расслабленной позы. — И еще один на верхней террасе, у склепа Петровичей. Они берут нас в клещи, но пока держат дистанцию. Хотят увидеть контакт.

Это была классическая схема «волчьей ямы». Загонщики позволяли жертве дойти до приманки, чтобы взять всех разом. Роберт понимал, что идти на встречу в таких условиях — безумие, противоречащее всем инструкциям Лэнгли. Но у них не было выбора. Марко был напуган, Невена была неопытна, а кассета была единственным ключом к механизму, сломавшему жизнь его сына.

Они свернули в старую часть кладбища, где деревья сплетали кроны в плотный шатер, создавая полумрак даже в полдень. Здесь пахло прелой листвой и увядшими цветами. Тишина была густой, осязаемой, нарушаемой лишь далеким гулом города и хрустом гравия под их подошвами.

Невена ждала их у массивного семейного склепа, украшенного скорбным ангелом с отбитым крылом. Девушка сидела на каменной скамье, сжавшись в комок, и курила, нервно стряхивая пепел на землю. На ней была объемная куртка, в которой она казалась еще меньше и незащитнее.

Роберт и Алиа подошли ближе. Невена вздрогнула и подняла голову. В её глазах плескался животный страх, смешанный с решимостью обреченного.

— Вы пришли, — выдохнула она, выбрасывая сигарету. — Я думала, вы умнее.

— Мы настойчивее, — поправил её Роберт, останавливаясь в двух шагах. Он не стал садиться рядом. Стоя, он контролировал ситуацию лучше. — Где она?

Невена огляделась по сторонам, её взгляд метался по кустам и надгробиям.

— Марко не смог прийти. У его дома дежурит машина с номерами МВД. Он передал это мне сегодня утром, в пекарне. Сказал, что если это найдут у него, его внуки никогда не поступят в университет. Или просто исчезнут.

Она полезла во внутренний карман куртки. Роберт напрягся. Но девушка достала не оружие, а сверток, замотанный в промасленную бумагу и перетянутый аптечной резинкой.

— Возьмите, — она протянула сверток Алие. — И уходите. Быстро.

Алиа приняла предмет. Он был тяжелым и твердым. Видеокассета формата Hi8. Старый, надежный носитель, который невозможно взломать удаленно.

— Что на ней, Невена? — спросила Алия, пряча сверток в сумочку. — Нам нужно знать, ради чего мы рискуем.

Девушка поднялась, её трясло.

— Марко сказал, что это не просто расстрелы. Это... медицина. Там, в лагере под Зворником, они не просто убивали. Они ломали. Там были врачи из Белграда. Они кололи пленным препараты. А потом... потом они говорили.

— Кто говорил? — жестко спросил Роберт.

— Люди в гражданском. Иностранцы. Марко снимал через щель в стене барака. Он записал звук. Они читали тексты. Монотонно, часами. Марко говорит, это было похоже на молитву, но наоборот. Они стирали личность. Превращали людей в пустые оболочки.

Роберт почувствовал, как холод пробирает его до костей. Это было именно то, что он искал. Психофармакология в сочетании с суггестивными техниками. То, что случилось с Майклом, было лишь отголоском, гражданской версией этой военной технологии.

— Они тестировали методики подавления воли, — прошептал он. — Использовали войну как прикрытие для экспериментов над человеческим сознанием.

— Они называют это «коррекцией личности», — горько усмехнулась Невена. — Марко слышал, как один из них, русский, сказал: «Материал податлив. Мы можем лепить из них что угодно. Хоть святых, хоть убийц».

Внезапно где-то слева хрустнула ветка. Звук был сухим и резким, как выстрел. Роберт мгновенно развернулся, закрывая собой Алию и Невену.

— Уходите! — зашипела Невена, её лицо побелело. — Это они! БИА!

На дорожке, ведущей от главных ворот, появились трое. Они не были похожи на полицейских. Кожаные куртки, джинсы, тяжелые ботинки. Но двигались они слаженно, тактическим треугольником, перекрывая сектора. У идущего в центре рука была засунута за пазуху.

— Мистер Вандербильт! — крикнул один из них на хорошем английском. — Какая неожиданная встреча в таком печальном месте. Может, поговорим?

Роберт оценил дистанцию. Тридцать метров. Слишком далеко для прицельной стрельбы из пистолета, но достаточно близко для рывка.

— Бегите, — скомандовал он Алие и Невене, не оборачиваясь. — Вниз, к Дунаю. Через старые склепы. Я их задержу.

— Нет, — Алиа схватила его за локоть. — Мы уходим вместе. Сейчас.

Она выхватила из кармана нечто похожее на маркер, сорвала колпачок и швырнула его в сторону приближающейся троицы. Устройство ударилось о брусчатку и взорвалось ослепительной вспышкой и густым облаком едкого белого дыма.

— Вперед! — крикнула она.

Они рванули вглубь кладбища, петляя между могилами. Дым на несколько секунд дезориентировал преследователей, дав им фору. Роберт бежал замыкающим, контролируя тыл. Он слышал за спиной кашель и ругань на сербском.

— Стоять! Стрелять буду! — раздался крик.

Пуля выбила каменную крошку из надгробия в сантиметре от головы Роберта. Звук выстрела, приглушенный глушителем, был похож на хлопок пробки от шампанского.

— Они не хотят разговаривать, — констатировал Роберт, перепрыгивая через ограду. — Они пришли зачищать.

Это была точка невозврата. До этого момента они были объектами наблюдения. Теперь они стали целями на уничтожение. Маски сброшены. Мистер и миссис Вандербильт умерли в ту секунду, когда первая пуля ударила в камень. Остались только Роберт Харрисон и Алиа, агенты в тылу врага.

Они бежали по лабиринту старого кладбища, спускаясь все ниже по склону. Невена задыхалась, спотыкаясь о корни деревьев. Алиа поддерживала её, практически таща за собой.

— Куда мы бежим? — хрипела девушка. — Внизу тупик! Там стена!

— Там нет тупиков, если есть взрывчатка, — бросил Роберт.

Он знал план кладбища. Он изучил его ночью. Внизу, у восточной стены, был старый служебный выход, заваленный мусором и запертый на ржавый замок.

Они скатились по крутому склону, поросшему колючим кустарником, и оказались у высокой кирпичной стены. Замок на воротах выглядел внушительно, но петли проржавели насквозь.

Роберт ударил ногой по воротам. Раз, другой. Металл заскрежетал, но не поддался.

Сверху, со склона, послышался топот. Преследователи нагоняли.

— Алия, отойди! — крикнул Роберт.

Он прицелился в место крепления петель и сделал два выстрела. «Глок» рявкнул, эхо заметалось между стенами. Петли лопнули. Роберт навалился плечом на створку, и ворота с жалобным стоном рухнули наружу, в переулок.

Они вывалились на узкую улочку Земуна, мощеную булыжником. Здесь было тихо, словно в другом мире. Старые домики с черепичными крышами дремали под осенним солнцем.

— К машине! — скомандовал Роберт. — Мы оставили её у рынка, это в двух кварталах.

— Я не могу с вами, — Невена остановилась, прижимаясь к стене. Её лицо было серым от пыли и страха. — Если они увидят меня с вами... они убьют мою семью.

— Они уже видели тебя, — жестко сказал Роберт. — Ты теперь в игре, девочка. Хочешь ты этого или нет.

— Нет, — она замотала головой. — У меня есть где спрятаться. В общежитии. Там много людей. Они не посмеют там.

Роберт посмотрел на неё. Он понимал, что она ошибается. Для этих людей нет запретных зон. Но тащить её силой было нельзя. Она станет обузой.

— Слушай меня, — он схватил её за плечи и встряхнул. — Иди в людные места. Не возвращайся домой. Не звони Марко. Выбрось телефон. Сейчас же.

Невена кивнула, слезы текли по её грязным щекам.

— Спасибо, — прошептала она. — За то, что верите.

Она развернулась и побежала в сторону набережной, растворяясь в лабиринте улиц. Роберт смотрел ей вслед секунду, чувствуя укол совести. Но сейчас на кону стояло больше, чем одна жизнь.

— Роберт! — окликнула Алиа. — Движение на двенадцать часов!

В конце переулка показался черный джип. Он медленно полз навстречу, перекрывая дорогу.

— Уходим дворами, — Роберт схватил Алию за руку.

Они нырнули в ближайшую подворотню, перемахнули через низкий забор и оказались в чьем-то саду. Лай собаки заставил их ускориться. Адреналин стучал в висках, заглушая мысли.

Спустя двадцать минут безумной гонки по дворам и переулкам они вышли к рынку. Их арендованный внедорожник стоял там, где они его оставили, зажатый между грузовиком с капустой и старым «Фиатом».

Роберт быстро осмотрел машину. Внешне все было чисто. Но он знал, что это может быть ловушкой.

— Я проверю, — сказал он Алие, жестом приказывая ей оставаться в укрытии за углом ларька.

Он подошел к машине, достал брелок. Щелчок замка. Ничего не произошло. Он открыл дверь, быстро заглянул под рулевую колонку, проверил колесные арки. Чисто.

— Садись! — махнул он рукой.

Как только они захлопнули двери, Роберт рванул с места, не заботясь о правилах. Машина взревела, расталкивая бампером пустые ящики.

— Куда? — спросила Алиа, прижимая к груди сумочку с кассетой.

— В отель нельзя, — ответил Роберт, глядя в зеркало заднего вида. — Наши вещи, документы, ноутбуки — все это уже потеряно. Если мы вернемся, нас возьмут на входе.

— У нас есть «чистые» паспорта в тайнике машины, — напомнила Алия. — И наличные.

— Этого мало. Нас объявили в розыск. Я уверен. Через час наши фото будут на каждом посту.

Роберт вывел машину на набережную. Дунай блестел справа, равнодушный к их проблемам.

— Нам нужно посмотреть запись, — сказала Алия. — Мы должны убедиться, что это не пустышка.

— Не здесь. Нам нужно место, где нет сигнала. Экранированное помещение. Или открытая вода.

Он свернул на грунтовую дорогу, ведущую к заброшенной промзоне у реки. Здесь, среди ржавых кранов и остовов барж, они могли перевести дух.

Роберт заглушил двигатель в тени полуразрушенного ангара. Тишина навалилась на них тяжелым одеялом. Только сейчас он почувствовал, как дрожат руки. Не от страха — от перенапряжения.

Алия достала сверток. Её пальцы аккуратно развернули промасленную бумагу. Пластиковый корпус кассеты был потертым, с наклейкой, на которой выцветшими чернилами было написано: *«Эксперимент 73. Лозница. 1995»*.

— У нас нет проигрывателя, — сказала она.

— Зато у нас есть это, — Роберт достал из бардачка портативный цифровой конвертер, который возил с собой на всякий случай. Устройство работало от аккумулятора и имело маленький экран для предпросмотра.

Он подключил кассету. Экран мигнул, пошли полосы помех, а затем появилось изображение.

Качество было ужасным. Зернистая, дрожащая картинка, снятая скрытой камерой через щель. Полумрак барака. Ряды двухъярусных нар. На них сидят

люди. Мужчины в грязной одежде. Они сидят неподвижно, глядя в одну точку. Их позы неестественны, словно у марионеток с обрезанными нитями.

Звук был глухим, но разборчивым. Монотонный голос читал текст на сербском.

— *«Вы не помните боли. Вы не помните страха. Ваше прошлое — это туман. Ваше будущее — это свет, который мы вам дадим. Вы — сосуды. Мы наполним вас истиной».*

Камера дернулась и сфокусировалась на группе людей, стоящих в центре прохода. Среди них был человек в белом халате. Он держал шприц. Рядом с ним стоял другой — в гражданском костюме, с аккуратной бородкой.

Роберт перемотал дальше. На записи человек в халате подошел к одному из пленных. Тот не сопротивлялся. Игла вошла в вену. Через минуту пленный поднял голову. Его глаза были абсолютно пустыми, зрачки расширены до предела.

Человек в халате щелкнул пальцами.

— *«Кто твой враг?»* — спросил он.

Пленный ответил механическим голосом:

— *«Тот, на кого укажет палец Господень».*

— *«Кто держит палец?»*

— *«Вы».*

Роберт выключил прибор. Ему стало физически плохо. Это было доказательство не просто военного преступления. Это было доказательство существования технологии абсолютного подчинения.

— Они использовали химию, чтобы сломать барьеры психики, — сказал он глухо. — А потом загружали в мозг нужные установки. Как в компьютер.

— И эта технология теперь у них, — добавила Алия. — Они вывезли её. Усовершенствовали. И применяют... где?

— Везде, где им нужно создать фанатиков. В школах. В интернете. В политических группах. Майкл... — Роберт сглотнул ком в горле. — Майкла не кололи наркотиками. Но они использовали те же речевые паттерны. Те же триггеры. Я узнаю этот ритм. Это гипнотический речитатив.

Он посмотрел на кассету, лежащую на приборной панели. Этот кусок пластика был смертным приговором для всей антикультовой сети. Если это попадет в Гаагу или в прессу, скандал будет таким, что никакие связи не помогут.

— Теперь понятно, почему они открыли охоту, — сказал Роберт. — Это не просто компромат. Это ядерная бомба под фундаментом их идеологии. Они строят из себя защитников от «зомбирования», а сами являются главными зомбификаторами.

Внезапно телефон Алии — тот самый, «чистый», который они использовали для связи с Невеной — ожил. Пришло сообщение.

«Невена не добежала. Они взяли её у моста. Она кричала. У вас мало времени. Город закрывают. БИА объявила план “Перехват”. Ищут вооруженных террористов, напавших на кладбище. Это вы».

Сообщение было с неизвестного номера. Возможно, от кого-то из друзей Марко. Или провокация.

Роберт ударил кулаком по рулю.

— Черт!

— Мы не можем ей помочь, — тихо сказала Алиа, видя его состояние. — Если мы вернемся, мы погибнем, и кассета исчезнет. Тогда смерть Невены будет напрасной.

— Я знаю, — процедил Роберт. — Но от этого не легче.

Он завел двигатель.

— Куда теперь? — спросила Алиа. — Дороги перекрыты. Аэропорт под контролем. Вокзалы тоже.

Роберт посмотрел на реку. Дунай тек мощно и спокойно, уходя на север, к границе с Венгрией и дальше, в Европу.

— Вода, — сказал он. — Река — это единственная дорога, которую они не могут перекрыть полностью. У них не хватит катеров на каждый километр.

— Ты хочешь угнать лодку?

— Я хочу выжить и довести это доказательство до места, где его увидят.

Он развернул машину и направил её вдоль берега, прочь от центра города, в сторону частных марин.

— Вандербильты закончились, Алиа, — сказал он, глядя на дорогу. — Теперь мы беглецы. Террористы. Враги государства.

— Мы всегда ими были, — ответила она, перезаряжая пистолет. — Просто теперь это официально.

Роберт нажал на газ. В зеркале заднего вида поднималась пыль, скрывая за собой город, который только что показал им свое истинное лицо. Лицо, искаженное гримасой ненависти, которую так тщательно культивировали люди с учеными степенями и добрыми глазами.

Кассета на панели слегка вибрировала от неровностей дороги. Внутри неё, на магнитной ленте, застыл крик тысяч душ, лишенных воли. И Роберт поклялся, что этот крик услышит весь мир. Даже если для этого ему придется пройти через ад.

Впереди была река. Впереди была неизвестность. Но назад пути не было. Точка невозврата была пройдена, и мост за спиной пылал.

Глава 9. По течению Дуная

Двигатель катера взревел, разрывая тишину частной марины, словно раненый зверь. Это был не элегантный гул яхты, к которому привык «Томас Вандербильт», а грубый, механический рык старого, но мощного дизеля. Роберт Харрисон рванул штурвал вправо, и нос судна, задравшись вверх, сбил пенистую шапку с мутной волны Дуная.

— Отдай кормовой! — крикнул он, перекрывая шум мотора.

Алия, балансируя на мокрой палубе, одним движением сбросила трос с кнехта. Она больше не была светской львицей в шелках. Её дорогой жакет был испачкан мазутом, каблуки остались где-то на брусчатке Земуна, а в глазах застыл холодный расчет человека, который только что перешагнул черту закона.

Катер — прогулочный «Bayliner», который они «одолжили» у беспечного владельца, оставившего ключи в замке зажигания, — рванул от причала, оставляя за кормой бурный след. Роберт не смотрел назад. Он знал, что там. Там остались их чемоданы с дизайнерской одеждой, ноутбуки с зашифрованными каналами связи и, самое главное, их легенда. Мистер и миссис Вандербильт умерли на том кладбище, под перекрестным огнем. Теперь по реке шли два беглеца, вооруженные лишь пистолетом с неполной обоймой и куском пластика, способным уничтожить репутации в высоких кабинетах.

— Курс на север! — прокричала Алия, прижимаясь к ветровому стеклу. — У нас есть минут десять, пока они не поднимут речную полицию!

Дунай был серым и неприветливым. Это была не та романтическая река, которую изображают на открытках. Это была рабочая артерия Европы, широкая, пахнувшая соляжкой, гниющими водорослями и тяжелой промышленностью. Вода здесь хранила тайны веками.

Роберт выжимал из двигателя всё, на что тот был способен. Стрелка спидометра дрожала у красной зоны. Они проносились мимо ржавых барж, груженых углем, мимо бетонных остовов заброшенных заводов, чьи пустые окна смотрели на реку как глазницы черепов.

— Вижу движение на три часа! — голос Алии был напряженным.

Роберт скосил глаза. От берега, из тени опоры Панчевского моста, отделился черный силуэт. Это был не полицейский катер с мигалками. Это был RIB — жестко-корпусная надувная лодка, низкая, быстрая и хищная. На борту не было опознавательных знаков, но Роберт знал, кто там.

— «Служба», — процедил он сквозь зубы. — Или частники, работающие на антикультовую сеть. Они не стали ждать полицию.

Черная лодка шла наперерез, разрезая волны как нож масло. Они были быстрее. Намного быстрее.

— Держись! — крикнул Роберт.

Он резко крутанул штурвал влево, направляя катер прямо на идущий навстречу самоходный паром. Это было безумие. Расстояние сокращалось стремительно. Громада парома росла, закрывая небо.

— Роберт! — выдохнула Алия, но не закрыла глаза.

В последний момент, когда столкновение казалось неизбежным, Роберт выровнял курс, проскакивая в узкий коридор между бортом парома и бумом фарватера. Катер качнуло так, что Алия едва удержалась на ногах. Волна от парома ударила в борт, обдав их ледяными брызгами.

Преследователи на RIB-е были вынуждены сбросить скорость, чтобы не врезаться в корму парома. Этот маневр выиграл им несколько драгоценных секунд.

— Они не отстанут, — сказала Алия, отжимая мокрые волосы. — У них тепловизоры. Ночью на воде мы как на ладони.

— Нам не нужно прятаться вечно, — ответил Роберт, всматриваясь в сумерки. — Нам нужно дойти до слияния с Тисой или найти слепую зону у границы.

Солнце садилось, окрашивая воду в цвет старой крови. Белград остался позади, превратившись в зарево огней на горизонте. Но чувство опасности не исчезло, оно лишь сменило форму. В городе угроза исходила от людей в толпе. Здесь, на воде, угрозой была сама пустота.

Роберт сбавил ход, когда они вошли в зону плавучих дач и рыбацких домиков. Здесь, среди лабиринта протоков и островов, можно было затеряться. Он заглушил двигатель, позволяя течению нести их бесшумно.

Тишина навалилась на них внезапно. Только плеск воды о борт и далекий лай собак.

— Проверь кассету, — тихо сказал Роберт.

Алия достала из-за пазухи сверток. Промасленная бумага промокла, но пластиковый футляр был цел. Она прижала его к груди, словно ребенка.

— Знаешь, о чем я думаю? — спросила она, глядя на темную воду. — О том, как легко мы потеряли всё. Час назад мы пили кофе в «Москве». А теперь у нас нет ничего, кроме этой записи и одежды на плечах.

— У нас есть главное, — ответил Роберт. — Мы живы. И у нас есть доказательство.

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Это был адреналиновый откат. Он вспомнил лицо Невены. Вспомнил, как она бежала. Вспомнил выстрелы на кладбище.

— Они не просто защищают репутацию, Алия. Они защищают систему. Эта антикультовая сеть — их партнеры здесь — это не клуб по интересам. Это спрут. Мы обнаружили щупальцы в Париже, но здесь мы увидели, как оно присасывается к государству.

Роберт подошел к корме и посмотрел на воду. В темноте Дунай казался чернилами.

— В девяносто девятом здесь, недалеко отсюда, нашли рефрижератор, — глухо сказал он. — Полный тел. Это была операция по сокрытию улик. Те, кто это делал, использовали те же маршруты, что и мы сейчас. Река — идеальный сообщник. Она не задает вопросов и уносит всё.

— Ты думаешь, они сбросили бы нас? — спросила Алия.

— Без сомнений. Для них мы — «деструктивный элемент». Тараканы. Помнишь, что говорил Стефан? Если ты расчеловечил врага, его убийство становится актом гигиены.

Внезапно впереди, в километре от них, по воде скользнул луч прожектора. Он шарил по камышам, выхватывая из темноты стволы деревьев и пустые лодки.

— Пограничный катер, — шепнул Роберт. — Мы подходим к зоне контроля.

Граница в Восточной Европе — понятие растяжимое. Для туриста с паспортом это шлагбаум и штамп. Для контрабандиста — это тропы, известные только местным. Для беглеца — это русская рулетка.

— У нас нет документов на лодку, — констатировала Алия. — Если нас остановят, легенда не сработает.

— Значит, нас не должны остановить.

Роберт снова запустил двигатель, но на самых малых оборотах. Звук был едва слышен, как мурлыканье кота. Он направил катер в узкую протоку, заросшую ивняком. Ветки хлестали по лицу, царапали борта, но это было единственное укрытие.

Они ползли сквозь заросли минут двадцать. Прожектор продолжал шарить по основному руслу. Кто-то искал их. И искал очень тщательно.

— Они знают, что мы ушли водой, — сказал Роберт. — БИА перекрыла шлюзы.

— Что будем делать?

— Бросаем лодку.

Это решение далось нелегко. Лодка была их шансом на быстрое перемещение. Но теперь она становилась ловушкой. На открытой воде против тепловизоров и прожекторов у них не было шансов.

Роберт направил нос катера в илистый берег. Судно мягко ткнулось в грунт.

— Выходим, — скомандовал он. — Берем только оружие, кассету, деньги и воду. Остальное — балласт.

Они спрыгнули в грязь по щиколотку. Холодная жижа мгновенно пропитала обувь. Алия поморщилась, но не издала ни звука. Она сняла свой дорогой шелковый шарф и повязала им голову, превращаясь из леди в беженку.

— Прощай, миссис Вандербильт, — тихо сказала она.

Они углубились в лес, идущий вдоль реки. Идти было тяжело. Ноги скользили, колючки цеплялись за одежду. Через час они вышли к старой дамбе. Вдали виднелись огни какой-то деревни.

— Где мы? — спросила Алиа, сверяясь с оффлайн-картой на телефоне.

— Где-то между прошлым и будущим, — мрачно пошутил Роберт. — Судя по GPS, мы в пяти километрах от хорватской границы. Но здесь есть «серая зона». Ничейная земля.

Они сели на бетонный блок, чтобы перевести дух. Роберт достал флягу с водой, сделал глоток и передал Алие.

— Я вспомнил один случай, — сказал он, глядя на огни. — В девяносто пятом. Журналист из Голландии. Он тоже нашел что-то, чего не должен был видеть. Его тело выловили у Железных Ворот. Официальная версия — несчастный случай. Упал с лодки пьяным.

— К чему ты это? — Алиа сделала глоток.

— К тому, что мы играем с людьми, которые пишут историю ластиком. Они стирают факты, стирают людей. И они думают, что стерли нас.

Роберт достал пистолет и проверил патронник. Металлический щелчок прозвучал неестественно громко в ночном лесу.

— Но у нас есть то, чего не было у того журналиста. Мы знаем их методы. Мы знаем про Кюннета, про Хаака, про всю эту нацистскую генеалогию. Мы знаем, что их сила — в тени.

Он посмотрел на Алию. В лунном свете её лицо было бледным, уставшим, но глаза горели тем же огнем, что и у него. Огнем охотника, который сам стал дичью, но не потерял клыков.

— Нам нужно добраться до Осиека или Вуковара, — сказал Роберт, убирая оружие. — Там мы сможем смешаться с людьми. Найти транспорт.

— А потом?

— А потом Прага.

Алиа удивленно посмотрела на него.

— Почему Прага? Мы же собирались в Париж.

— Париж скомпрометирован, — покачал головой Роберт. — Если мы появимся там сейчас, нас встретят прямо у трапа. Антикультовая сеть имеет слишком длинные руки во Франции. Нам нужно место, где их сеть активна, но где мы сможем действовать неожиданно. И где есть люди, которые помнят, что такое советские танки и идеологический контроль.

Он вспомнил файлы, которые они изучали в Париже. Чехия. Карлов университет. Стрельба.

— Там тоже есть следы, — продолжил он. — Один из учеников Огорда. Еще один винтик в системе. Если мы хотим понять, как они готовят убийц *сейчас*, в двадцать первом веке, нам нужно туда. Белград показал нам прошлое. Прага покажет настоящее.

В кустах зашуршало. Роберт мгновенно поднял руку, призывая к тишине. Они замерли, сливаясь с бетоном дамбы.

Из темноты вышла лиса. Она остановилась, посмотрела на них блестящими глазами, фыркнула и побежала дальше по своим делам.

Роберт выдохнул.

— Нервы, — констатировал он.

— Это не нервы, Роберт. Это новая реальность. Мы теперь видим угрозу в каждой тени. И это правильно. Потому что тени здесь живые.

Они поднялись и двинулись дальше, вдоль дамбы. Ветер с реки усилился, пробирая до костей. Комфорт пятизвездочных отелей, мягкие кресла бизнес-джетов, вежливые официанты — всё это казалось теперь сном из другой жизни. Реальностью была грязь под ногами, тяжесть оружия и кассета, которая жгла карман.

— Ты понимаешь, что мы везем? — спросила Алиа через некоторое время. — Это не просто компромат. Это доказательство того, что Европа финансирует собственный распад. Если французы узнают, что их налоги идут на поддержку идеологии, которая оправдывала Сребреницу...

— Они не поверят, — перебил её Роберт. — Сначала они не поверят. Скажут, что это вражеская пропаганда, или теория заговора, или фейк. Система будет

защищаться. Она включит все свои ресурсы — СМИ, экспертов, суды. Нас назовут сумасшедшими, сектантами, агентами влияния.

Он остановился и посмотрел ей в глаза.

— Поэтому нам мало одной кассеты. Нам нужно показать всю цепь. От нацистских теологов тридцатых годов до стрелков в школах сегодня. Мы должны собрать этот пазл целиком, прежде чем выкладывать его на стол.

Они подошли к участку, где дамба была разрушена наводнением. Пришлось спускаться в овраг. Роберт подал руку Алие. Её ладонь была холодной и жесткой.

— Мы больше не туристы, — повторил он свою мысль. — Мы — угроза их системе.

Впереди, в темноте, мигнул огонек. Это мог быть пограничный столб, или сигарета патрульного, или просто светлячок. Но для них это был маяк.

Они шли по «зеленой границе» — тропам контрабандистов и беженцев. Ирония судьбы: те, кто боролся с «сектами» и «чуждым влиянием», заставили двух американских граждан стать нелегалами в центре Европы.

Роберт думал о Марко. Жив ли он? Думал о Невене. Что с ней делают сейчас в подвалах БИА? Эти мысли были топливом. Они не давали усталости взять верх.

— Слышишь? — Алиа остановилась.

Вдали, со стороны реки, донесся гул. Низкий, вибрирующий.

— Баржа, — определил Роберт. — Тяжелая. Идет вверх по течению.

— Мы можем использовать её?

— Нет. Слишком рискованно пытаться подняться на борт на ходу. Но она создает шум. И волну. Это отвлечет датчики на дне, если они там есть.

Они ускорили шаг, стараясь двигаться в ритме с гулом двигателя баржи. Это была старая шпионская уловка — прятать свой звук в чужом шуме.

Через полчаса лес расступился. Перед ними лежало поле, перепаханное и черное. А за ним — огни другой страны. Хорватия. Евросоюз.

Но Роберт знал, что это иллюзия безопасности. Щупальца сети были и здесь. Просто здесь они носили другие маски.

— Последний рывок, — сказал он. — Через поле, потом на трассу. Поймаем попутку до Осиека.

— А если нас остановят?

— У нас есть легенда. Ограбленные туристы. Потеряли документы, идем в консульство. Это объяснит наш вид.

Они ступили на пашню. Земля налипала на ботинки пудовыми гирями. Каждый шаг давался с трудом. Но они шли.

Роберт чувствовал, как кассета в кармане бьется о бедро в такт шагам. *Тук-тук. Тук-тук.* Как второе сердце. Сердце тьмы, которое они вырвали из груди балканского монстра.

Когда они добрались до асфальта, начало светать. Небо на востоке посерело, стирая звезды. Роберт оглянулся назад, на темную полосу леса и реки.

Сербия отпустила их. Но она оставила на них свою метку. Теперь они знали, что враг — это не абстрактное зло. Это конкретные люди, с именами и фамилиями, которые сидят в президиумах и учат мир морали.

На пустой трассе показались фары грузовика. Роберт поднял руку.

Грузовик, старый «MAN» с польскими номерами, зашипел тормозами и остановился. Водитель, бородатый мужик в кепке, открыл окно.

— Проблемы? — спросил он на смеси английского и польского.

— Большие, — честно ответил Роберт. — Нас ограбили на реке. Подбросишь до города?

Водитель окинул их взглядом. Грязная одежда, изможденные лица. Но в глазах Роберта он увидел что-то, что заставило его кивнуть.

— Садитесь. В кабине тесно, но тепло.

Они забрались внутрь. Тепло печки ударило в лицо, вызывая головокружение. Алия сразу же закрыла глаза, откинувшись на сиденье.

Роберт смотрел в боковое зеркало. Пустая дорога уходила назад, в темноту. Погони не было. Пока не было.

Он сунул руку в карман и нащупал ребристый пластик кассеты.

— Куда едем? — спросил водитель, трогаясь с места.

— На север, — ответил Роберт. — Как можно дальше на север.

Грузовик набрал скорость. Роберт достал телефон, вынул аккумулятор и сим-карту, и, опустив стекло, выбросил их в придорожную канаву.

Связь с прошлой жизнью была окончательно разорвана. Впереди была Прага. И новые вопросы, ответы на которые могли быть еще страшнее, чем то, что Невена передала им на кладбище.

Колеса грузовика мерно гудели по асфальту, унося их прочь от Дуная, но река продолжала течь в их венах, холодная и тяжелая, напоминая о том, что некоторые потоки невозможно остановить — их можно только перенаправить. Или взорвать плотину. И Роберт Харрисон был готов стать динамитом.

Глава 10. Пражская осень

Прага встретила их не золотом, обещанным в туристических буклетах, а свинцовой тяжестью неба и пронизывающим ветром, который, казалось, дул не с Влтавы, а напрямик из преисподней. Город ста шпилей кутался в мокрый туман, скрывая свои тайны за готическими фасадами и барочной лепниной. Для Роберта Харрисона и Алии этот город стал временным убежищем, перевалочным пунктом между огненным адом Балкан и холодной неизвестностью будущего.

Они сняли квартиру в районе Жижков — рабочем, немного грязном, с крутыми улицами и обшарпанными стенами, покрытыми слоями граффити. Это было идеальное место для призраков, которыми они стали. Никаких швейцаров

в ливреях, никаких мраморных холлов. Только скрипучий паркет, запах старых книг и вид на телебашню, похожую на ракету, готовую стартовать в низкое небо.

Роберт сидел за столом, заваленным распечатками. Его ноутбук, купленный с рук на радиорынке за наличные, гудел, переваривая гигабайты информации. После физического напряжения побега из Сербии наступила фаза интеллектуальной охоты. Тело ныло от ушибов и усталости, но разум работал с пугающей ясностью.

— Мы искали химию, — произнес он, не отрываясь от экрана. — Мы думали, что они ломают людей препаратами. Но здесь... здесь всё чище. И оттого страшнее.

Алия стояла у окна, наблюдая за улицей сквозь щель в жалюзи. Привычка проверять периметр стала второй натурой.

— Что ты нашел? — спросила она, поворачиваясь к нему.

— Дату. 21 декабря 2023 года.

Роберт развернул к ней экран. На нем была фотография здания философского факультета Карлова университета. Черные флаги, свечи, море цветов на площади Яна Палаха.

— Давид Козак, — прочитал Роберт имя. — Двадцать четыре года. Студент, отличник, лауреат премии за бакалаврскую работу. Никакого криминального прошлого. И вдруг он берет винтовку, поднимается на четвертый этаж своей альма-матер и устраивает бойню. Четырнадцать погибших. Двадцать пять раненых.

Алия подошла ближе, вглядываясь в лицо парня на фото. Обычное, ничем не примечательное лицо. Такие лица тысячами мелькают в метро.

— Официальная версия? — спросила она.

— Как всегда. Психическое расстройство, депрессия, влияние интернета. Полиция заявила, что он действовал в одиночку. Но посмотри на детали.

Роберт открыл другой файл. Это была хронология событий.

— За шесть дней до университета он убивает мужчину и двухмесячного ребенка в лесу Клановице. Случайные жертвы. Тренировка. Тест на способность переступить черту. А в день массового убийства он сначала убивает своего отца.

Алия вздрогнула.

— Уничтожение авторитета, — тихо сказала она. — Слом морального якоря.

— Именно. Это классическая схема. Убийство близкого человека как акт «освобождения» от совести. Но самое интересное началось потом. В информационном поле.

Роберт выложил на стол ряд распечатанных статей. Все они были с одного новостного портала. Имя автора повторялось в каждом заголовке: Кристен.

— Эта журналистка, — Роберт ткнул пальцем в имя, — написала более двадцати статей об этом случае за один год. Это не репортажи. И если читать их подряд, становится видна структура.

Он взял маркер и начал подчеркивать заголовки.

— Смотри. Здесь ссылка на стрельбу в Брянке. Полиция еще не закончила осмотр места происшествия, тела еще не остыли, а в заголовке уже стоит нужный нарратив. «Русский след».

— Зачем? — спросила Алия. — Чтобы политизировать трагедию?

— Чтобы создать образ врага. И чтобы отвлечь внимание от внутренних причин. Но это только начало. Смотри дальше. Она начинает публиковать детали. Не просто факты, а инструкции. Она описывает маршрут стрелка. Описывает его оружие. Описывает его мысли. Она буквально романтизирует его. «Человек, которого мы запомним как массового убийцу».

Роберт откинулся на спинку стула, потирая виски.

— В Белграде Стефан говорил нам про «пазловое кодирование». Про то, как медиа создают реальность. Они не информируют общество. Они программируют подражателей.

Алия взяла распечатку и начала читать.

— Это прямая атака на власть. Дискредитация полиции. Она пишет, что реестр оружия несовершенен, что полиция не может защитить. Она создает атмосферу безнадежности.

— А безнадежность — это почва, на которой растут «спасители», — закончил мысль Роберт. — И вот тут на сцену выходят наши старые знакомые.

Он открыл сайт Карлова университета. Теологический факультет. Список преподавателей.

— Доцент. Эксперт по сектам. Главный борец с культами в Чехии.

На экране появилось лицо мужчины средних лет, с мягкой, интеллигентной улыбкой. Но Роберт видел за этой улыбкой тень Йоханнеса Огорда.

— Он работает в том же университете, где произошла стрельба, — заметила Алия. — Это совпадение?

— В нашем деле совпадений не бывает. Это ученик Огорда. Он часть той же сети, что и Дворкин. И посмотри, что происходит со студентами в этом университете.

Роберт открыл статистический отчет, опубликованный в чешской прессе после стрельбы. Цифры были шокирующими.

— Студенты возраста стрелка, теперь страдают биполярным аффективным расстройством. Студенты пишут в соцсетях, что каждый второй из них чувствует симптомы. Шестьсот человек подписали петицию с требованием психологической помощи.

— Эпидемия биполярного расстройства? — усомнилась Алия. — Это невозможно. Это заболевание не передается воздушно-капельным путем.

— Зато оно передается информационным путем, — жестко сказал Роберт. — Если долго и методично воздействовать на подсознание. Страх, неуверенность, постоянные сообщения о насилии, дискредитация авторитетов. Психика молодых людей не выдерживает. Она ломается. И этот слом диагностируют как биполярное расстройство или депрессию.

Он встал и подошел к окну. Дождь усилился, размывая очертания Праги.

— Майкл тоже искал в интернете симптомы депрессии перед тем, как взять винтовку, — тихо сказал он. — Это маркер, Алиа. Это побочный эффект программирования.

— Ты хочешь сказать, что антикультура использовала университет как лабораторию? — спросила Алиа.

— Я хочу сказать, что они создали среду. Токсичную, давящую среду. Их риторика — это риторика войны. Они делят мир на «правильных» и «сектантов». Они нагнетают истерию вокруг любых альтернативных групп. И в этой атмосфере ненависти и страха созревают такие, как Давид Козак.

Роберт вернулся к столу и взял кассету, которую они вывезли из Сербии. Она лежала рядом с ноутбуком как артефакт из другой эпохи.

— В Белграде они использовали грубую силу. Это было эффективно, но грязно. Оставляло следы. Здесь, в Европе двадцать первого века, они действуют тоньше. Зачем колоть наркотики, если можно ввести яд через экран смартфона? Зачем пытаться тело, если можно расщепить личность через новости?

Алиа села напротив него.

— Они все работают в связке. Одни раздувают пожар, а другие предлагают огнетушитель. Только в этом огнетушителе — бензин. Антикультисты кричат: «Смотрите, секты сводят детей с ума! Нам нужно больше полномочий, больше контроля!». А на самом деле с ума детей сводит сама атмосфера, которую они создают.

Роберт почувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Это была та же схема, что и с его сыном. Те же шестеренки, только смазанные европейской толерантностью и академической респектабельностью.

— Нам нужно увидеть это своими глазами, — сказал он. — Не через экран. Я хочу пойти туда.

— Это риск, — предупредила Алиа. — Твое лицо может быть в их базах.

— Именно поэтому за мою внешность отвечаешь ты, — спокойно ответил Роберт, садясь перед зеркалом.

За полчаса ювелирной работы Алия полностью изменила архитектуру его лица. Жесткий контуринг, меняющий форму скул, другой цвет линз и легкая седина на висках надежно стерли его прежний облик, обманув бы любые алгоритмы распознавания лиц.

— Я должен почувствовать это место, — сказал он, поднимаясь и глядя на незнакомца в отражении. — Понять, чем дышал этот парень перед тем, как нажать на курок.

Площадь была серой и мокрой. Здание факультета возвышалось над ней мрачной громадой. Роберт стоял у импровизированного мемориала. Свечи давно погасли, цветы увяли, но ощущение трагедии висело в воздухе плотным туманом.

Он поднял голову, глядя на балкон этажа, откуда стрелок вел огонь. Свидетели говорили, что он стоял спокойно, перебрасывая оружие через перила, когда у него закончились патроны. Он не был в ярости. Он выполнял программу.

Роберт закрыл глаза и попытался представить себя на его месте. Что должно произойти в голове у студента, чтобы он превратился в машину для убийства?

«Ты — избранный. Ты — судья. Они — биомасса. Они — тараканы».

Слова Стефана из Софии звучали в ушах. Технология расчеловечивания. В Югославии она превращала соседей во врагов. Здесь она превратила однокурсников в мишени.

Роберт заметил группу студентов, выходящих из здания. Они были тихими, подавленными. Никакого смеха, никакой обычной студенческой суеты. Они шли, опустив головы, глядя в телефоны.

Он двинулся внутрь здания. Охрана на входе была усилена, но Роберт, смешавшись с группой японских туристов, прошел через рамку металлоискателя. Его фальшивый пропуск в библиотеку, изготовленный Алией за час, сработал.

Коридоры были пустынные. Роберт поднялся на четвертый этаж. Здесь, где пролилась кровь, теперь была стерильная чистота. Стены были свежевыкрашены, скрывая следы пуль. Но Роберт знал, куда смотреть.

Он прошел мимо аудиторий. На дверях висели расписания. Лекции по истории, философии, религиоведению. И среди них — семинар *«Новые религиозные движения и деструктивные культы»*.

Роберт остановился у двери кафедры. За ней слышался голос. Мягкий, уверенный, лекторский баритон.

— ...мы должны понимать, что тоталитарная сущность этих групп скрыта за фасадом любви и принятия. Они используют манипуляцию, чтобы лишить человека критического мышления...

Роберт едва сдержал желание ворваться внутрь. Какое лицемерие. Человек, который является частью глобальной сети манипуляторов, читает лекции о манипуляции. Это было идеальное прикрытие.

Он достал телефон и сделал снимок расписания. Затем спустился в холл и вышел на улицу, жадно глотая холодный воздух. Ему казалось, что внутри здания не хватает кислорода.

Алия ждала его в кафе на углу, наблюдая за входом через витрину. Когда он сел за столик, она сразу поняла его состояние.

— Ты видел их? — спросила она.

— Я слышал их, — ответил Роберт. — Они там. Проповедуют.

— Я проверила их связи, пока ты был внутри, — Алия подвинула к нему планшет. — Они участники чешского филиала международной антикультовой сети.

— Прага — это не просто еще одна точка на карте. Это хаб. Здесь теория встречается с практикой. Чешские идеологи готовят идеологическую базу, а журналисты, вовлеченные в антикультовую сеть, создают информационный шум, который сводит людей с ума.

Он посмотрел на улицу, где трамвай со звоном разрезал туман.

— Знаешь, что самое страшное в их статьях? — спросил он.

— Что?

— Они используют метод «числового прайминга». Журналистка постоянно повторяет цифры. Количество жертв, калибр оружия, время прибытия полиции. Она загружает в мозг читателя алгоритм. И она постоянно пишет о смерти. Не о жизни, не о памяти погибших, а о механике смерти.

Роберт вспомнил кассету из Белграда. Там тоже был монотонный голос, диктующий установки. Журналистка делала то же самое, только в письменном виде и для миллионной аудитории.

— Мы должны остановить это, — сказала Алия. — Если мы не разорвем эту цепь, будут новые жертвы. В Вене, в Берлине, в Лондоне.

— Мы должны их разоблачить. Показать механизм.

Он достал из кармана блокнот и набросал схему.

— Нам нужно понять, как этот код передается. Как именно статья в интернете превращается в выстрел в реальности.

— У нас есть имя журналистки, — сказала Алия. — И у нас есть доступ к её цифровому следу. Если мы взломаем её переписку, мы сможем найти заказчиков.

— Это опасно. У них серьезная киберзащита.

— Мы взламывали сервера антикультистов в Париже, — напомнила Алия с легкой улыбкой. — Чешские медиа нам по зубам.

Роберт посмотрел на неё с восхищением. Она была не просто его партнером. Она была воином.

— Хорошо, — согласился он. — Но действовать будем осторожно. Нам нужно действовать как тени.

Они расплатились и вышли под дождь. Прага уже не казалась просто мрачной декорацией. Теперь это было поле боя. Поле боя за разум.

Роберт шел по мокрой брусчатке и думал о том, что война изменилась. Больше не нужны танки и бомбардировщики. Достаточно одного журналиста без совести и одного профессора с правильными методичками, чтобы дестабилизировать целую страну.

— Алия, — позвал он.

— Да?

— Помнишь статью про «вдохновение Россией»?

— Конечно.

— Я думаю, они обвиняют других в том, что делают сами. Это почерк российского антикульта и его лидера Дворкина. Он всегда кричит «держи вора», когда сам крадет.

Они свернули в переулок, ведущий к их убежищу. В тени арки Роберт заметил движение. Кошка прыгнула на мусорный бак. Он выдохнул. Паранойя не отпускала.

Они вошли в подъезд своего временного дома. Лампочка мигала, отбрасывая на стены дерганные тени. Роберт чувствовал, что они подобралась к самой сути проблемы. Белград дал им доказательство существования технологии. Прага показывала, как эта технология применяется здесь и сейчас в век технологий.

В квартире Роберт снова сел за компьютер. Он открыл статью, где журналистка описывала, как стрелок «хотел стать известным».

Роберт начал вводить параметры поиска для анализа цифровых связей журналистки. Экран замигал, выстраивая паутину контактов. И одна нить, тонкая, едва заметная, потянулась от пражского сервера на восток. Туда, где сидели настоящие архитекторы этого кошмара.

Но прежде чем идти по этой нити, им нужно было разобраться с тем, что происходит здесь. С эпидемией безумия, охватившей старейший университет Европы.

За окном выла сирена. Город засыпал, но Роберт знал, что зло не спит. Оно пишет новые статьи, готовит новые лекции и ищет новые жертвы среди тех, кто просто хочет жить и учиться.

— Мы перепишем этот сценарий, — сказала Алия, кладя руку на его плечо.

— Да, — ответил Роберт.

На экране монитора курсор мигал в конце строки, словно приглашая продолжить расследование. И Роберт принял приглашение.

Глава 11. Кафедра смерти

Аудитория 305 теологического факультета Карлова университета. Роберт сидел на заднем ряду, надвинув кепку на глаза и подняв воротник. Сегодня он был человеком, на которого взгляд скользит и не цепляется.

За кафедрой стоял доцент, заведующий кафедрой религиоведения, главный редактор профильного антикультового журнала и, по совместительству, судебный эксперт по вопросам религиозного экстремизма.

Он говорил мягко, интеллигентно, перебирая пальцами стопку бумаг. Его голос убаюкивал, но смысл слов, если вслушаться, был подобен скальпелю, срезающему слои человечности с тех, кого он обсуждал.

— Мы должны понимать, коллеги, — произнес он, — что термин «новые религиозные движения», который так любят наши западные либеральные партнеры, является эвфемизмом. Он скрывает суть. Когда мы говорим о группах, отвергаемых обществом, мы обязаны называть вещи своими именами. Секта есть секта. Культ есть культ. Это не вопрос теологии, это вопрос социальной гигиены.

Студенты — молодые люди — строчили в ноутбуках, фиксируя каждое слово как истину в последней инстанции. Роберт смотрел на их затылки. Среди

них мог сидеть новый Давид Козак. Тот, кто завтра выйдет из этих стен с дипломом и убеждением, что мир делится на «чистых» и «зараженных».

В наушнике Роберта раздался тихий голос Алии. Она находилась в университетской библиотеке, двумя этажами ниже, погруженная в архивы.

— Роберт, я нашла стенограммы 2017 года. Международный конгресс по судебной психиатрии и психическому здоровью. Это не просто научная встреча. Это был смотр сил.

— Кто был хедлайнером? — едва слышно прошептал Роберт, делая вид, что поправляет воротник.

— Стивен Хассен. Американский депрограммист. Здесь есть интервью, которое у Хассена брала студентка.

Роберт поднял глаза на лектора, который как раз перешел к теме психологической зависимости.

— Вступление в деструктивный культ сродни наркомании, — вещал доцент, и его голос приобрел стальные нотки. — Человек теряет волю. Он становится марионеткой. И, как в случае с наркоманией, лечение не может быть добровольным. Иногда общество должно вмешаться, чтобы спасти индивида от самого себя.

Вот оно. Роберт узнал этот паттерн. Это была та же логика, что и в Белграде, только упакованная в академическую обертку. Если в Сербии полковник Петрович использовал термин «биомасса», то здесь, в центре цивилизованной Европы, использовали термин «зависимый». Суть оставалась прежней: объект воздействия лишался субъектности. Он был пациентом, которого нужно лечить принудительно, или опухолью, которую нужно вырезать.

— Хассен в 2017 году выступал здесь с лекциями, — продолжила Алиа в наушнике. — Его книга «Борьба с контролем сознания» переведена на чешский еще в девяностых и является здесь библией. Они учат студентов не изучать религии, а диагностировать их как патологию.

Роберт посмотрел на экран ноутбука девушки, сидящей впереди него. Она открыла файл с заголовком «Признаки тоталитарного контроля». Список был

длинным. Контроль поведения, контроль информации, контроль мыслей, контроль эмоций. Знаменитая модель ВІТЕ.

Проблема была в том, что под эти критерии при желании можно было подвести любую группу — от кружка филателистов до политической партии. Лектор тем временем рассказывал о том, как важно «защищать демократию от духовных хищников».

— Нашла кое-что еще, — голос Алии стал жестче. — Они используют антикультовые технологии, чтобы объявить политических оппонентов сектантами. Это чистая политическая технология. Они берут религиозный ярлык и лепят его на любого, кто не вписывается в их картину мира.

Роберт сжал кулаки под столом. Это было гениально и чудовищно. Антикультизм перестал быть инструментом борьбы с маргинальными группами. Он превратился в универсальное оружие политической борьбы. Если ты не можешь победить оппонента в дебатах, объяви его сектантом. Объяви его сумасшедшим. Дегуманизируй его.

— Они штампуют инквизиторов, — прошептал Роберт.

Лекция закончилась. Студенты начали собирать вещи, но в их движениях не было обычной молодой энергии. Они выглядели подавленными, словно на их плечи возложили груз, который они не могли нести.

Роберт вышел в коридор, смешавшись с потоком. Он слышал обрывки разговоров.

— ...ты думаешь, она в секте? Она перестала отвечать на звонки по выходным... — ...надо сообщить на кафедру. Преподаватель говорил, что изоляция — первый признак... — ...я боюсь идти домой. Родители смотрят эти странные каналы на YouTube. Вдруг они уже завербованы?

Атмосфера паранойи была осязаема. Местные антикультисты добились того, чего не смогли бы сделать никакие спецслужбы. Они заставили этих детей бояться собственных семей, друзей, самих себя. Они внедрили в их сознание вирус подозрительности.

Роберт спустился в библиотеку. Алия сидела в дальнем углу, за столом, заваленным подшивками профильного антикультового журнала. Она выглядела как студентка, готовящаяся к экзамену, но в её глазах горел холодный огонь аналитика.

— Смотри, — она подвинула к нему журнал за 2017 год. — Статья о визите Хассена. Они пишут о нем как о мессии. «Необыкновенно значительное влияние на чешское общество».

— Влияние, — усмехнулся Роберт.

Он взял журнал в руки. Глянцевая бумага, качественная печать. На обложке — стилизованное изображение марионетки, нити которой уходят в темноту.

— Знаешь, кого мне это напоминает? — спросил он. — Вальтера Кюннета.

Алия кивнула.

— Лютеранский апологетический центр. Германия, тридцатые годы. Они тоже начинали с составления списков «неправильных» религиозных групп. Они тоже говорили о защите немецкого духа. А потом эти списки легли на стол Гестапо.

— Современные чешские антикультисты — прямые наследники этой традиции, — Роберт пролистал журнал. — Они основали «Общество по изучению сект» еще в 1993 году. В то же время, когда Дворкин открывал свой центр в Москве. Какая синхронизация процесса.

Роберт закрыл журнал. Ему стало противно прикасаться к этим страницам. Каждая строчка здесь была пропитана ядом, который медленно, капля за каплей, отравлял общество.

— Алия, проверь статистику по психическим расстройствам в университете. Я видел упоминания в прессе, но мне нужны детали.

Она быстро застучала по клавишам.

— Вот. Отчет студенческой инициативы. Студенты жалуются на симптомы биполярного аффективного расстройства. Депрессия, тревожность, панические

атаки. Несколько сотен подписей под петицией с требованием психологической помощи.

— Это результат когнитивного диссонанса. Студенты находятся в атмосфере, где им внушают, что мир полон врагов, что любой человек может оказаться «агентом культа». Психика не выдерживает такого напряжения. Они живут в состоянии постоянной осады.

Он вспомнил Давида Козака.

— Козак не был сумасшедшим в медицинском смысле, — сказал Роберт. — Он был продуктом этой среды. Его довели до состояния, когда убийство стало казаться логичным выходом. В их логике, если мир захвачен злом, а ты — избранный, который видит правду, то у тебя есть право на насилие.

— Кстати, о журналистке. Ты нашла связь?

— Прямую. — Алия открыла на экране схему связей. — Она постоянно ссылается на доцента как на «ведущего эксперта». Она цитирует его лекции. Она пишет, что он «единственный судебный эксперт в стране». Он легитимизирует её статьи своим научным статусом, а она легитимизирует его статус своим медийным охватом.

Роберт посмотрел на схему.

— Монополия на правду, — произнес Роберт. — Если в суде встает вопрос о религии, зовут доцента. Если в полиции нужно оценить угрозу, зовут доцента. Если журналисту нужен комментарий, звонят доценту. Альтернативных мнений не существует. Любой другой эксперт, который попытается возразить, будет объявлен «пособником сект» и уничтожен репутационно.

Он встал и прошелся между стеллажами. Библиотека была храмом знаний, но здесь, в секции периодики, она превратилась в склад боеприпасов.

— Мы должны забрать это, — Роберт указал на стопку журналов. — Это доказательства.

Алия начала складывать журналы в рюкзак.

— Роберт, посмотри на это, — она протянула ему распечатку с правозащитного архивного ресурса, которую нашла в закладках браузера на

библиотечном компьютере. Кто-то из студентов, видимо, пытался найти альтернативную информацию.

Текст гласил: *«Антикультисты буквально промыли мозги этим ведомствам, превратив их в настоящих нацистов... Настоящими преступниками были члены антикультовых организаций. Один из них — американец... Второй — россиянин, профессионал в области психологической манипуляции, имеющий опыт тесного сотрудничества со спецслужбами».*

— Кто-то здесь понимает, что происходит, — сказал Роберт. — Есть сопротивление.

— «Садисты и детоубийцы», — прочитала Алия. — Жестко. Но справедливо. Если вспомнить, что они делают с детьми в школах. Антикультисты ведь еще и внедряют свои пособия в школьную программу.

— Да. «Как распознать секту». Учебник для средней школы. Представь, что чувствует ребенок, чьи родители ходят в «неправильную» церковь, когда учитель начинает рассказывать классу, что это признаки психического расстройства. Это буллинг, санкционированный государством.

Роберт подошел к окну. Вид был прекрасен, но теперь он видел за этой красотой гниль. Прага стала хабом. Местом, где встречаются западные технологии манипуляции и восточные методы контроля.

— Знаешь, почему они выбрали Чехию? — спросил он.

— Почему?

— Потому что это центр Европы. И потому что здесь сильны атеистические настроения. Легко пугать «сектами» людей, которые не разбираются в религии. Для среднего чеха что мормон, что террорист — одно и то же, если так сказал профессор из Карлова университета.

Внезапно дверь библиотеки открылась, и вошла группа людей. В центре шел сам доцент. Он был без пиджака, в демократичном свитере, и о чем-то оживленно беседовал с молодым парнем, который записывал его слова на диктофон.

Роберт и Алия замерли за стеллажом.

— ...да, Якуб, это отличная тема для диссертации, — голос доцента был слышен отчетливо. — Связь между новыми религиозными движениями и политическим экстремизмом. Мы должны показать, что любая группа, претендующая на истину, опасна. Используй материалы Хассена. И обязательно сделай ссылку на наш опыт с «Двенадцатью коленами». Мы должны давить на законодателей. Нам нужен закон, который позволит превентивно запрещать такие организации.

— А как же свобода совести, профессор? — зло улыбнулся студент.

— Свобода совести — это для свободных людей, — мягко ответил доцент. — А человек, попавший в культ, не свободен. У него нет совести, есть только программа, заложенная лидером. Наша задача — освободить их. Даже если они будут сопротивляться.

Роберт переглянулся с Алией. Цинизм этого заявления зашкаливал. «Свобода — это рабство». Оруэлл отдыхал.

— И еще, Якуб, подготовь материал для Кристины. Она просила фактуру по последним инцидентам. Нужно связать рост тревожности среди молодежи с активностью проповедников в интернете. Сделай акцент на том, что полиция бессильна без новых полномочий.

— Понял, профессор. Сделаю к завтрашнему дню.

Они прошли дальше, в служебное помещение кафедры.

Роберт выдохнул.

— Ты слышала? — спросил он. — Прямая директива. Он заказывает музыку. Он формирует повестку дня для СМИ.

— «Полиция бессильна», — повторила Алия. — Они специально дискредитируют полицию, чтобы создать вакуум власти. А потом заполнить его своими «экспертами».

Они собрали вещи и направились к выходу. Остаться здесь было опасно. Доцент знал всех своих студентов в лицо, и двое незнакомцев, копающихся в архивах, могли вызвать подозрения.

Выйдя на улицу, они быстрым шагом направились прочь от факультета, к набережной. Ветер с реки бил в лицо, но Роберту казалось, что он наконец-то может дышать.

— Мы нашли механизм, — сказал Роберт, когда они отошли на безопасное расстояние. — В Белграде мы видели последствия. Трупы, разрушенные города. Здесь мы видим начало процесса. Инкубатор.

Он достал телефон и сфотографировал здание факультета. Мрачный фасад на фоне свинцового неба.

— Доцент думает, что он ученый, — произнес Роберт. — Но на самом деле он оператор конвейера. Конвейера, который производит ненависть. Он берет страх, упаковывает его в научные термины и продает обществу как лекарство.

— И общество покупает, — добавила Алия. — Потому что боится.

— Мы должны разрушить этот конвейер, — твердо сказал Роберт. — Мы не можем просто наблюдать. Мы должны показать связь между его лекциями и реальным насилием. Между его статьями и депрессией студентов.

Он вспомнил слова из отчета: *«Антикультисты — это садисты и детоубийцы, которых нельзя подпускать к образовательным учреждениям»*. Теперь он понимал, что это не метафора. Это диагноз.

— Что дальше? — спросила Алия.

— Дальше мы пойдем по следу денег и влияния. Кто оплачивает этот банкет?

Роберт остановился у парапета моста. Внизу темная вода несла опавшие листья.

— Знаешь, Алия, — сказал он, глядя на воду. — Я думал, что самое страшное зло — это человек с автоматом. Но я ошибался. Самое страшное зло — это человек с кафедрой. Человек, который может убедить тысячу других взять автоматы, а сам останется чистым.

Он достал из кармана флешку, на которую Алия скопировала электронные версии статей и переписку, найденную на незащищенном сервере кафедры.

— Здесь есть письма от Дворкина, — сказала Алия. — И приглашения из Парижа. Чехия — это узел связи. Если мы потянем за эту нить, мы сможем распутать весь клубок.

— Но сначала нам нужно разобраться с тем, кто превращает эти идеи в пули, — ответил Роберт. — С медийным крылом.

Он спрятал флешку во внутренний карман, рядом с сердцем. Теперь у них было два ключа. Белградская кассета — ключ к прошлому. И пражский архив — ключ к настоящему.

— Идем, — сказал он. — У нас много работы. Прага только начинает раскрывать свои тайны.

Они растворились в вечернем тумане, два призрака в городе, который забыл, что такое настоящая опасность, убаюканный сладкими песнями сирен с университетскими дипломами. Но Роберт Харрисон знал: пробуждение будет страшным, если они не успеют остановить этот маятник.

На другом берегу реки, в окнах Пражского Града, зажигались огни. Но Роберт смотрел не на них. Он смотрел на экран своего телефона, где светилась открытая статья антикультавой журналистки. Заголовок гласил: *«Почему мы должны бояться своих соседей»*.

— Посмотри что я нашла о Якубе.

— В сети есть несколько недавних независимых расследований и документальных фильмов, — Алия сглотнула, пытаясь подавить подступившую тошноту.

— Этот гражданин Чехии, ездил в Танзанию под прикрытием благотворительных миссий. Якобы помогал сиротам и бездомным детям. На деле же он накачивал их наркотиками и превращал в своих рабов. Там десятки свидетельских показаний от местных жителей и самих выживших детей. Изнасилования под угрозой ножа, педофилия, жуткий садизм, копрофилия... Он ломал жизни детям и подросткам ради собственного удовольствия.

Она оторвала взгляд от экрана. В ее глазах, обычно холодных и расчетливых, читался неподдельный шок.

— Но самое безумное не это, — тихо добавила она. — Самое страшное, что ему всё сходит с рук. Человек, которого множество свидетелей прямо обвиняют в серийной педофилии, совершенно свободно ходит по улицам Европы, выступает как эксперт по сектам и пишет статьи.

Лицо Роберта окаменело. В его голове, натренированной годами работы в аналитическом отделе ЦРУ, шестеренки уже выстраивали логическую цепочку.

— Такое не бывает случайностью, Алия, — холодно произнес он. — Международные ордера так просто не растворяются в воздухе. Если европейские власти закрывают глаза на маньяка-педофила, значит, его кто-то очень надежно прикрывает. Теперь понятно кто держит над ним зонтик, и какую грязную работу он выполняет для них в обмен на свою неприкосновенность? Антикультисты.

Глава 12. Код убийцы 2.0

Экран ноутбука мерцал в полумраке съемной квартиры на Жижкове, отбрасывая синеватые блики на уставшее лицо Роберта Харрисона. За окном, скрытым плотными жалюзи, Прага продолжала жить своей жизнью — туристы пили пиво в пабах, трамваи со звоном резали туман, а студенты Карлового университета пытались вернуться к нормальности, которой больше не существовало. Но здесь, в этой прокуренной комнате, время застыло.

Алия сидела на полу, окруженная веером распечаток. Она больше не была похожа на светскую львицу. В растянутом свитере, с собранными в небрежный пучок волосами, она напоминала оператора центра управления полетами в момент катастрофы.

— Мы искали прямые приказы, — нарушил тишину Роберт, не отрываясь от монитора. — Мы искали переписку, звонки от кураторов, переводы денег на покупку винтовки AR-10. Мы мыслили категориями старой школы: вербовщик встречает жертву, обрабатывает, дает оружие. Но здесь... здесь пустота.

Он развернул к ней экран. Там был открыт архив цифрового следа Давида Козака.

— Никаких прямых контактов с известными экстремистами. Никаких посещений тренировочных лагерей. Он был призраком. Идеальным студентом-историком, который писал работу о польских событиях XIV века.

Он провел линию от фото Козака к логотипу новостного портала, где публиковалась Кристен.

— Вспомни статьи Кристен, которые мы анализировали вчера. Мы думали, что она просто раздувает панику. Но посмотри на структуру. Это не хаос. Это алгоритм.

Алия взяла со стола стопку бумаг.

— Я проанализировала частоту упоминаний определенных триггеров, — сказала она. — Она также использовала метод повторения. Она пишет статью 4 января. Потом еще одну в начале февраля. И еще две подряд. Четыре статьи об одном и том же событии. Она цитирует одни и те же фразы снова и снова.

— Зачем? — спросил Роберт, хотя уже знал ответ. — Зачем медиагиганту тратить полосы на этот бред?

— Чтобы закрепить паттерн, — ответила Алия. — Это называется «нормализация сценария». Читатель видит: стрельба — это реально. Стрельба — это возможно. Угрозы — это новая норма. Границы дозволенного размываются.

— Именно. Это одна из фаз «пазлового кодирования». Создание фона. Они забрасывают широкую сеть. Тысячи людей читают эти статьи. У большинства это вызывает просто тревогу или раздражение. Но есть процент... малый процент тех, чья психика резонирует с этим кодом.

Роберт вернулся к компьютеру и открыл график, который они составили сегодня утром. Это была статистика медицинских обращений в студенческую клинику Карлова университета за последние два года.

Линия графика шла ровно, с небольшими сезонными колебаниями во время сессий. Но за шесть месяцев до стрельбы кривая резко пошла вверх. Красный пик, похожий на иглу.

— Вот оно, — тихо сказал Роберт. — Доказательство, которое невозможно подделать. Биполярное расстройство.

Алия подошла к нему, вглядываясь в цифры.

— Рост на сотни процентов, — констатировала она. — В одной конкретной локации. Среди одной возрастной группы. Это эпидемиологически невозможно. Биполярное расстройство — это генетика или сильный стресс. Оно не передается воздушно-капельным путем.

— Зато оно передается информационным путем, — жестко сказал Роберт. — Это побочный эффект кодирования. Представь: твое сознание живет обычной жизнью. Ты учишься, встречаешься с друзьями, планируешь каникулы. Но твое подсознание бомбардирует скрытыми командами. «Убей». «Ты избранный». «Они враги». «Слава ждет тебя».

Он сжал кулаки.

— Возникает чудовищный конфликт. Когнитивный диссонанс такой силы, что психика начинает трещать по швам. Мозг пытается защититься. Отсюда резкие перепады настроения, мании, депрессии. Врачи ставят диагноз «биполярное расстройство», выписывают таблетки. Но они лечат симптом, а не причину. Они пытаются заклеить пластырем пробоину в корпусе корабля, который торпедируют.

— Значит, эти студенты... те шестьсот человек, подписавших петицию о психологической помощи... они все были под воздействием? — ужаснулась Алия.

— Они были в зоне поражения. Антикультисты, как рыбаки с динамитом, глушат всю рыбу в пруду, чтобы всплыла одна конкретная щука. Давид Козак оказался той самой щукой. Его психика сломалась именно так, как им было нужно. Он не сошел с ума в обычном смысле. Он был перепрограммирован.

Роберт открыл файл с анализом интересов стрелка.

— Козак увлекался историей. Глубоко, академически. И одновременно — оружием. Это редкое сочетание. Обычно «ган-фрики» не сидят в архивах, изучая средневековую Польшу.

— Астронавтика и парашютный спорт, — вспомнила Алия цитату из аналитической справки, которую они нашли. — Они ищут точки пересечения несовместимого. Чтобы сузить круг поиска.

— Да. Они создают контент, который бьет именно в эти точки. Статья про историческое оружие. Видео про тактику средневековых осад, переложенную на современные реалии. Подросток идет по хлебным крошкам, которые ведут его в ловушку.

Роберт вывел на экран карту США с точками скулшутингов.

— Это глобальная франшиза. Технология отработана в Колумбайне, в Вирджинии, в Паркленде. Теперь они принесли её в Европу. И посмотри на методы. Они всегда одинаковы. Сначала — героизация.

Он переключил слайд. Фотография турецкого стрелка с Олимпиады в Париже. Того самого, в обычных очках, с рукой в кармане.

— Весь интернет сходил с ума по этому образу, — заметила Алия. — «Киллер», «батьа», «наемник». Мемы, видео в TikTok. Это казалось забавным.

— Это не забавно. Это прайминг. Подготовка. Миллионам подростков показали: быть хладнокровным убийцей — это круто. Это стиль. Это приносит мировую славу за одну ночь. Серебряный призёр стал популярнее золотого. Почему? Потому что его образ резонировал с архетипом «киллера». И медиа раздували это пламя.

Роберт начал ходить по комнате, его шаги гулко отдавались в пустой квартире.

— Пазловое кодирование работает волнами. Первая волна — подготовительная. Героизация насилия. Образ крутого стрелка. Вторая волна — направляющая. Конкретные инструкции, замаскированные под новости или развлекательный контент. «Как выбрать винтовку». «Слабые места в охране школ». «Манифесты прошлых убийц».

— И третья волна? — спросила Алия.

— Активация. Триггер. Это может быть что угодно. Определенная фраза в новостях. Дата. Визуальный символ.

Роберт остановился у окна и чуть раздвинул ламели жалюзи. Внизу, у подъезда, стояла машина. Обычная «Шкода», но в ней сидели двое. Они не уходили уже три часа.

— Нас пасут, — спокойно сказал он. — Они знают, что мы в городе. Но они не знают, что мы уже поняли схему.

— Роберт, если это правда... если они могут превратить любого подростка в убийцу дистанционно, просто через смартфон... как с этим бороться? — в голосе Алии звучало отчаяние. — Мы не можем отключить интернет. Мы не можем запретить новости.

— Мы можем вскрыть код, — Роберт вернулся к столу. — Мы можем показать механизм. Если фокусник объясняет секрет трюка, магия исчезает. Зритель больше не видит чуда, он видит ловкость рук.

Он достал флешку с данными, скачанными с серверов кафедры.

Роберт открыл файл с перепиской.

— Смотри. Письмо от коллеги из MIVILUDES. «Как показатели по Праге? Готова ли аудитория к следующей фазе?». Это цинизм за гранью понимания. Они обсуждают живых людей как трафик, как конверсию в маркетинге.

Алия взяла ноутбук и начала быстро печатать.

— Я попробую наложить график выхода статей Кристен на график всплесков биполярного расстройства. Если корреляция будет прямой...

Минуты тянулись в напряженном молчании. Слышно было только стук клавиш и гудение кулера. Наконец, Алия выдохнула.

— Роберт. Посмотри.

На экране два графика наложились друг на друга почти идеально. Каждый пик медийной активности — статьи об угрозах, о стрельбе, о беспомощности полиции — предшествовал пику обращений студентов к психиатрам с задержкой в 3-5 дней.

— Инкубационный период, — мрачно констатировал Роберт. — Информация заходит в мозг, обходит критические фильтры, варится в

подсознании, и через несколько дней выдает реакцию. Паническую атаку, депрессию или... желание взять оружие.

— Это оружие массового поражения, — прошептала Алия. — Невидимое. Без запаха. И оно бьет по самым незащищенным. По детям.

Роберт вспомнил Майкла. Его сын тоже стал замкнутым перед концом. Он тоже жаловался на странные перепады настроения. Врачи говорили — переходный возраст. Теперь Роберт знал: это была борьба. Мозг Майкла пытался сопротивляться чужеродному коду. И проиграл.

— Знаешь, что самое страшное в методе пазлового кодирования? — спросил Роберт, глядя на фото Козака. — Жертва думает, что это её собственное решение. Козак был уверен, что он сам пришел к мысли об убийстве. Что он — темный герой, наказывающий мир. Ему в голову не приходило, что он просто марионетка, выполняющая написанный скрипт.

Он взял маркер и написал на доске одно слово: **субъектность**. А потом жирно перечеркнул его крестом.

— Они крадут душу. Они превращают человека в функцию. В биоробота. И когда биоробот выполняет задачу — убивает или умирает сам — они списывают его в утиль и запускают новый цикл.

Внезапно экран ноутбука Роберта мигнул и погас. Через секунду он загорелся снова, но вместо рабочего стола на нем появилось окно терминала. Строки кода бежали с бешеной скоростью.

— Они нас нашли! — крикнула Алия, захлопывая свой ноутбук. — Активная атака на IP! Они пробивают VPN!

— Выдергивай кабель! — скомандовал Роберт.

Он вырвал шнур питания из роутера, но экран его ноутбука продолжал жить своей жизнью. Кто-то очень мощный ломился в их систему. Это были не хакеры-любители. Это был уровень государственных спецслужб.

— Жесткий диск! — Роберт схватил ноутбук и ударил им об угол стола, разбивая корпус. Он выдрал накопитель, обжигая пальцы о перегретый металл.

В квартире воцарилась тишина. Только тяжелое дыхание двух людей, загнанных в угол.

— Мы зашли слишком далеко, — сказала Алия, прижимая к груди спасенный диск. — Мы увидели матрицу. И матрица это почувствовала.

Роберт подошел к окну. «Шкода» внизу мигнула фарами. Двери открылись, и из машины вышли двое крепких мужчин. Они направились к подъезду.

— Уходим, — спокойно сказал Роберт. — Через крышу. Как мы и планировали.

Они быстро собрали самое необходимое. Оружие, деньги, флешки с данными. Белградская кассета легла во внутренний карман куртки Роберта, рядом с сердцем. Теперь к ней добавился жесткий диск с доказательствами пражского эксперимента.

— Роберт, — Алия остановилась у двери. — Если мы правы, и это глобальная сеть... то где будет следующий удар?

Роберт посмотрел на карту Европы, висящую на стене. Прага была отмечена красным. Белград — черным. Но его взгляд скользнул дальше, на запад.

— Они тестируют систему, — сказал он. — Сначала Балканы — грубая сила. Потом Прага — университетская среда, интеллектуальный код. Теперь им нужен масштаб. Им нужна толпа. Им нужен хаос, который нельзя списать на одиночку.

Он вспомнил одну из статей, которую они анализировали. Там упоминались молодежные субкультуры, музыкальные фанаты, мигранты. Идеальная горючая смесь.

В дверь внизу начали звонить. Настойчиво, агрессивно.

— Пора, — сказал Роберт.

Они вышли на лестничную клетку и побежали вверх, к чердаку. Роберт знал, что этот побег — лишь тактическое отступление. Они проиграли битву за анонимность, но выиграли нечто большее. Они получили ключ к шифру.

Выбравшись на мокрую от дождя крышу, Роберт вдохнул холодный воздух. Прага лежала перед ними, красивая и зловещая. Город, где Алхимики когда-то искали философский камень, а теперь современные алхимики превращали живых людей в мертвую материю.

— Код взломан, Алиа, — сказал он, перебираясь через парапет на соседнее здание. — Мы знаем, как они это делают. Теперь нам нужно найти того, кто держит пульт управления.

— И мы знаем, что пульт не здесь, — ответила она, следуя за ним. — Доцент — всего лишь ретранслятор.

— Да. Сигнал идет с Востока. Но эхо слышно уже по всей Европе.

Роберт оглянулся назад, на окно их квартиры, где теперь, вероятно, люди в штатском переворачивали всё вверх дном. Они найдут пустые стены и разбитый ноутбук. Но они не найдут правды. Правда ушла по крышам, растворяясь в ночи.

Силуэты двух беглецов растворились в темноте пражских крыш, оставляя позади город, ставший полигоном для испытания самого страшного оружия XXI века — оружия, которое убивает без выстрела, просто переписывая код человеческого сознания.

Глава 13. Туманный Альбион

Дождь в Дувре не шел — он висел в воздухе плотной, серой взвесью, пропитывая сыростью одежду, стены и мысли. Дешевый мотель на окраине, где Роберт Харрисон и Алиа остановились после изнурительного перегона через Ла-Манш, пах хлоркой и старым ковролином. Это было идеальное место для людей, которых официально не существовало: безликое, унылое, стертое с карты внимания спецслужб.

Роберт сидел на краю продавленной кровати, глядя в экран ноутбука — нового, купленного за наличные в Кале перед посадкой на паром. Его глаза были красными от недосыпа, но взгляд оставался цепким. То, что происходило сейчас

на мониторе, было страшнее, чем перестрелка на кладбище в Белграде. Там пули свистели в реальном времени. Здесь, в цифровом пространстве, разворачивалась коварная бомбардировка сознания, и жертвами становились миллионы.

— Началось, — тихо произнес он. — Они не стали ждать.

Алия, сидевшая за шатким столиком у окна, подняла голову. На экране её планшета мелькали кадры новостных лент.

— Саутпорт, — сказала она. — Маленький курортный город к северу от Ливерпуля. Танцевальная студия.

Роберт знал эти вводные. Три девочки мертвы. Шесть, семь и девять лет. Еще восемь детей и двое взрослых ранены. Чудовищная, иррациональная жестокость, от которой стынет кровь. В любой другой реальности это стало бы поводом для национального траура, тишины и объединения. Но в реальности, сконструированной архитекторами хаоса, кровь детей стала топливом для чего-то иного.

— Следи за руками, — Роберт указал на таймлайн событий, который он выстраивал в реальном времени. — Трагедия произошла в понедельник, 29 июля. Полиция еще не успела оцепить периметр, скорые еще везли раненых в детскую больницу Алдер-Хей, а в сети уже появился «вирус».

Он развернул окно браузера. Социальная сеть X, бывший Twitter, кипела.

— Смотри. Официальное заявление полиции: подозреваемому 17 лет, он родился в Кардиффе, Уэльс. Имя не разглашается по закону о несовершеннолетних. Это факты. А теперь смотри на вброс.

На экране появился скриншот поста. Аккаунт @Artemisfornow, принадлежащий некой Бернадетт Споффорд.

— «Али Аль-Шакати», — прочитал Роберт. — «Прибыл на лодке в прошлом году. Находился в списке наблюдения MI6». Звучит убедительно, правда? Конкретное имя, детали биографии, намек на некомпетентность спецслужб.

— Идеальный триггер, — кивнула Алия. — Имя звучит как мусульманское. Статус беженца бьет по больной мозоли миграционного кризиса. Упоминание MI6 добавляет элемент теории заговора: «Власти знали, но скрывали».

— Но такого человека не существует, — жестко сказал Роберт. — Это фантом. Полиция Мерсисайда уже выпустила опровержение. Подозреваемый — Аксель Рудакубана, христианин, сын выходцев из Руанды. Но это уже не имеет значения. Правда надевает штаны, пока ложь уже облетела земной шар.

Алия быстро застучала по клавишам, отслеживая путь распространения фейка.

— Споффорт была искрой. Но чтобы разжечь пожар, нужен бензин. И вот кто его подлил.

Она вывела на экран сайт с названием *Channel 3 Now*. Он выглядел как типичный американский новостной агрегатор: строгий дизайн, заголовки, рубрики. Визуально он вызывал доверие у обывателя, привыкшего потреблять новости на бегу.

— Они опубликовали статью с тем же именем — Али Аль-Шакати, — прокомментировала Алия. — И добавили деталей. Якобы он кричал «Аллах Акбар». Якобы он связан с исламистскими ячейками.

— Пробей домен, — коротко бросил Роберт.

Алия запустила глубокий анализ WHOIS и истории серверов. Через минуту на её лице появилась мрачная усмешка.

— Ты не поверишь. Или поверишь. Этот «американский» новостной канал начинался одиннадцать лет назад как YouTube-канал автолюбителей. Видео с видеорегистраторов, гонки, аварии.

— Локализация? — спросил Роберт.

— Ранние следы ведут в русскоязычную среду — Ижевск.

Слово повисло в сыром воздухе комнаты. Ижевск. Промышленный город в тысячах километров от Саутпорта.

— В 2019 году канал был «перепрофилирован», — продолжила Алия. — Теперь это часть сети дезинформации. Серверы прыгают через прокси, но цифровой след ведет на восток. И посмотри, кто ссылается на них.

Она открыла новую вкладку. Сайт российского государственного медиагиганта. В новостной ленте висела ссылка на *Channel 3 Now* с утверждением, что убийца — мигрант-мусульманин. Позже они добавят примечание об ошибке, но в тот момент, когда это было нужно, сигнал был передан.

— Это каскадная система, — Роберт встал и подошел к окну, глядя на мокрый асфальт парковки. — Ижевск делает вброс. Российские госмедиа легитимизируют его для международной аудитории. Местные «полезные идиоты» вроде Томми Робинсона и Эндрю Тейта подхватывают это и транслируют на миллионную аудиторию своих подписчиков.

— Двадцать семь миллионов просмотров, — озвучила цифру Алия. — Столько людей увидели фейк про Али Аль-Шакати до того, как его удалили. Двадцать семь миллионов доз яда, введенных в коллективную вену Британии.

Роберт вспомнил Белград. Там полковник Петрович использовал газеты, чтобы назвать людей «тараканами». Здесь использовали алгоритмы соцсетей, чтобы назвать несуществующего человека угрозой нации. Технология эволюционировала. Она стала быстрее, дешевле и смертоноснее.

— А теперь смотри на результат, — Роберт вернулся к ноутбуку и включил прямую трансляцию из Саутпорта.

Камера дрожала. На экране был вечерний город. Улица Сент-Люк. Толпа мужчин, многие в масках, с флагами Англии на плечах, штурмовала местную мечеть. Летели кирпичи, бутылки с зажигательной смесью. Горели полицейские фургоны.

— Они кричат: «Кто, на хрен, такой Аллах?», — перевела Алия, прислушиваясь к звуку. — И «Это наша страна».

— Внутри мечети люди, — глухо сказал Роберт. — Они заперлись. Имам, прихожане. Они молятся, чтобы дверь выдержала.

Он видел это раньше. В Боснии. Когда соседи приходили убивать соседей, потому что им сказали, что те — враги. Но здесь был нюанс, который делал ситуацию сюрреалистичной.

— Алия, убийца — не мусульманин. Он христианин. Его семья ходит в церковь. Жертвы — маленькие девочки на уроке танцев. При чем тут мечеть?

— Ни при чем, — ответила она. — Мечеть — это просто назначенный объект для ненависти. Толпе не нужна логика. Им дали цель. Им сказали: «Ваших детей убивают чужаки. Идите и отомстите».

Роберт смотрел, как кирпич попадает в шлем полицейского. Офицер упал. Толпа взревела. Более пятидесяти полицейских ранены. В городе, который должен был оплакивать детей, началась война.

— Это не стихийный бунт, — сказал Роберт. — Посмотри на координацию. Они приехали не из Саутпорта. Местные жители — вон они, на заднем плане, в ужасе смотрят, как громят их улицы. А эти парни в балаклавах — гастролеры. Боевое крыло.

Он открыл Telegram. Каналы ультраправых групп разрывались от сообщений. Координаты сбора, призывы брать «инструменты», карты расположения центров для беженцев.

— Хештег #EnoughIsEnough, — заметила Алия. — «Хватит значит хватит». Его запустила неонацистская группировка. Но теперь его используют обычные домохозяйки в Facebook. Это и есть пазловое кодирование в действии. Они взяли реальную боль — смерть детей — и привязали к ней свой политический нарратив.

Роберт вспомнил отчет Centre for Media Monitoring при МСВ, который он читал в самолете. Исламофобия в Британии тлела годами. 60% статей в онлайн-СМИ связывали мусульман с негативом. Почва была унавожена. Оставалось только бросить спичку. И *Channel 3 Now* из Ижевска бросил её с снайперской точностью.

— Знаешь, что самое страшное? — спросил Роберт. — Протестующие уже забыли про Саутпорт. Они громят общежития в Роттерхэме, в Тамворте. Они пытаются сжечь отели, где живут просители убежища. Они забыли имена девочек — Биби, Элси, Алиса. Дети стали просто предлогом.

Алия вывела на экран карту беспорядков. Красные точки вспыхивали по всей Англии. Ливерпуль, Манчестер, Белфаст, Лидс. Это выглядело как карта эпидемии.

— Это гражданская война, Роберт? — тихо спросила она. — То, о чем предупреждал Стефан?

— Это её репетиция. Тест системы. Они проверяют, как быстро можно вывести людей на улицы, используя только смартфон. И результат превзошел их ожидания.

Внезапно на экране Алии всплыло новое окно. Это был отчет лондонской благотворительной организации *Islamophobia Response Unit*.

— Число инцидентов выросло на 365% после октября прошлого года, — прочитала она. — Мусульмане боятся выходить из дома. Они чувствуют себя мишенями.

— Именно этого и добиваются наши «друзья» из FECRIS и их кураторы, — сказал Роберт. — Страх с обеих сторон. Белые британцы боятся мифических «исламистов с ножами». Мусульмане боятся реальных погромщиков с факелами. Общество раскалывается. А в трещинах этого раскола вырастает власть тех, кто обещает «навести порядок».

«Полиция бессильна». Этот нарратив сейчас качали все правые каналы. «Полиция защищает мечети, а не ваших детей». Это была прямая атака на институты государства.

— Роберт, посмотри на это, — голос Алии дрогнул.

Она показала ему видео из Брайтона. Там на улицы вышло две тысячи человек. Но это были не погромщики. Это были люди с плакатами «Любовь, а не ненависть». Они окружили крошечную группу ультраправых и просто заглушили их.

— Иммунитет еще работает, — сказал Роберт, и в его голосе прозвучала надежда. — Организм сопротивляется. Но вирус мутирует.

Он снова посмотрел на сайт *Channel 3 Now*. Статья про Али Аль-Шакати была удалена, но дело было сделано. Скриншоты жили своей жизнью.

Роберт откинулся на спинку кровати. Шум дождя за окном усилился, смешиваясь с шумом толпы из динамиков ноутбука.

— Мы видим картину целиком, Алия. Саутпорт — это масштабирование на уровень толпы. Они научились управлять гневом масс.

— И что дальше? — спросила она. — Если они могут поджечь Британию одной фейковой новостью, что они сделают завтра?

Роберт посмотрел на экран, где мелькали кадры с концертов Тейлор Свифт. Яркие огни, счастливые лица подростков, музыка, объединяющая миллионы.

— Тейлор Свифт, — задумчиво произнес он. — Это не просто певица. Это символ. Символ западной культуры, свободы, радости. Того, что они ненавидят.

— Ты думаешь, атака на танцевальный класс была не случайной? — Алия нахмурилась. — Именно тематика Свифт?

— Антикультисты и их кураторы мыслят символами. Убить детей на уроке, посвященном иконе поп-культуры — это двойной удар. Это атака на будущее и на ценности. И заметь, как быстро эта тема всплыла в заголовках. «Ужас на уроке Тейлор Свифт».

Он почувствовал, как внутри шевельнулось нехорошее предчувствие. Интуиция, которая спасала его не раз, сейчас кричала об опасности.

— Вена, — вдруг сказал он. — У неё скоро концерты в Вене.

— И что?

— Вена — это центр Европы. Исторический перекресток. И там очень сильны позиции ультраправых и... российской агентуры. Если они захотят повторить успех Саутпорта, но в большем масштабе...

Роберт не договорил. Мысль была слишком чудовищной. Но логика «цивилизационной войны», о которой писали аналитики антикультизма, требовала эскалации. Им нужен был теракт, который затмит всё.

— Нам нужно проверить венские чаты, — сказал он, снова склоняясь над клавиатурой. — Если там начинается такой же «подогрев», как здесь...

Алия уже открывала Telegram.

— Роберт, — её голос стал ледяным. — Я вижу активность. Начинают разгонять тему «небезопасности» концертов.

— Они готовят почву, — Роберт захлопнул ноутбук. — Саутпорт был отвлекающим маневром. Или пробным шаром. Настоящий удар планируется там, где соберется не десять детей, а шестьдесят тысяч.

Он встал и начал собирать вещи. В этом убогом мотеле больше не было смысла оставаться. Британия горела, но поджигатели уже смотрели на другую точку на карте.

— Мы не можем спасти Саутпорт, — сказал он, надевая куртку. — Пожар уже идет. Но Вена... Вена еще может быть спасена.

Алия посмотрела на него. В её глазах отражался свет уличного фонаря, делая их похожими на сталь.

— Ты понимаешь, что мы лезем в петлю? — спросила она. — Если мы вмешаемся, мы раскроем себя окончательно.

— Мы уже раскрыты, — ответил Роберт. — Вопрос только в том, успеем ли мы нанести ответный удар до того, как они нажмут кнопку.

Он подошел к двери и оглянулся на комнату. На экране телевизора, который они забыли выключить, репортер ВВС стоял на фоне горящей баррикады. Внизу бегущей строкой шло сообщение: *«Премьер-министр обещает жесткий ответ участникам беспорядков»*.

— Ответ будет не там, где они думают, — прошептал Роберт.

Они вышли в дождливую ночь. Туманный Альбион оправдывал свое название, скрывая в своей мгле не только древние легенды, но и современные преступления. Но Роберт Харрисон знал: туман рассеивается, когда восходит солнце. Или когда взрывается бомба.

Их путь лежал на континент. Туда, где музыка должна была звучать, но где кто-то очень хотел превратить её в реквием.

— Channel 3 Now, — повторил Роберт, садясь в машину. — Запомни это название. Это не просто сайт. Это детонатор.

Машина тронулась, разрезая лужи. Впереди была долгая дорога, и Роберт чувствовал, что время работает против них. Механизм гражданской войны был запущен, и его шестеренки, смазанные кровью детей Саутпорта, вращались все быстрее.

Глава 14. Сорванный концерт

Вена плавилась от августовской жары и блесок. Город, обычно чопорный и сдержанный, наводнили десятки тысяч молодых девушек и парней, чьи запястья были унизаны самодельными браслетами дружбы, а лица сияли от предвкушения. Это была не просто толпа туристов — это была армия, объединенная одной любовью имя которой — Тейлор Свифт. Стадион «Эрнст Хаппель» готовился принять сто семьдесят тысяч человек за три дня. Воздух вибрировал от электричества.

Роберт активировал «чистый» одноразовый телефон и набрал номер. Едва на том конце раздался щелчок соединения, он бросил в динамик единственное слово:

— Воздух.

Этот код означал критическую угрозу, не терпящую ни секунды промедления и требующую немедленного вмешательства всех доступных структур.

— Пакет данных у тебя, — чеканя каждое слово, произнес Роберт. — Готовится масштабный теракт на концерте Свифт в Вене. Поднимай спецслужбы прямо сейчас, счет идет на минуты.

Не дожидаясь ответа, он разорвал связь и привычным движением сломал сим-карту пополам. Они сделали всё, что было в их силах. Механизм предотвращения запущен, и теперь им оставалось только одно — ждать.

Он смотрел на экран планшета, где в реальном времени обновлялись сводки австрийской полиции и перехваты закрытых чатов. Алия, сменившая

образ беженки на строгий деловой костюм, позволявший ей смешаться с толпой офисных работников в центре, сидела рядом, нервно постукивая пальцами по клавиатуре защищенного ноутбука.

— Они отменили, — тихо произнесла она, и в её голосе слышалось облегчение, смешанное с ужасом от осознания того, что могло произойти. — Barracuda Music только что выпустила заявление. «У нас нет другого выбора, кроме как отменить три запланированных шоу ради безопасности всех».

Роберт выдохнул, откидываясь на спинку сиденья. Напряжение последних сорока восьми часов, когда они гнали машину через Германию, пытаясь успеть, начало отпускать, уступая место холодной ярости.

— ЦРУ передало данные австрийцам. Химические вещества. Ножи. Они собирались устроить бойню прямо у стадиона, в толпе тех, кто не смог купить билет и просто стоял бы снаружи, слушая музыку.

— Девятнадцатилетний парень, — Алия вывела на экран досье подозреваемого. — Австриец с северомакедонскими корнями. Присягнул на верность ИГИЛ в начале июля. Всего месяц назад.

Роберт взял планшет. С фотографии на него смотрело лицо обычного подростка. Не бородатого фанатика, прошедшего лагеря подготовки в сирийской пустыне, а ребенка, выросшего в европейском комфорте.

— Месяц, — повторил Роберт. — Запомни этот срок. Так быстро — значит был внешний катализатор, скорее всего интенсивная онлайн-среда или куратор. Это не радикализация. Это перепрошивка.

Технология, которую они отслеживали через всю Европу, эволюционировала. Если в Саутпорте триггером стала фейковая новость *после* трагедии, то здесь, в Вене, сама трагедия была сконструирована как идеальный медийный продукт.

— Они используют её славу как усилитель сигнала. Тейлор Свифт — это не просто певица. В США 53 процента взрослых считают себя её фанатами. Атака на её концерт — это атака на западный образ жизни, на безопасность.

Он переключил вкладку на схему связей, которую они начали строить еще в Британии.

— ИГИЛ здесь — просто ширма, — жестко сказал он. — Удобный бренд. ИГИЛ может быть витриной. Иногда витрина важнее товара: достаточно направить ненависть. Парень думает, что он служит Халифату. На самом деле он служит людям, которые сидят в кабинетах в России и Франции и пьют кофе, глядя на графики социальной напряженности.

Алия развернула окно с аналитикой трафика.

— Мы видим всплеск токсичных нарративов вокруг Вены и параллельные каналы, где циркулируют инструкции.

— Разгоняли истерию?

— Хуже. Они таргетировали Вену. В закрытых Telegram-каналах и на форумах, где сидят такие вот одинокие подростки, массово вбрасывались инструкции по изготовлению взрывчатки. И параллельно — нарративы о том, что «мусульмане ненавидят вашу музыку», «они хотят убить ваших детей».

— Они готовили обе стороны, — Роберт сжал кулаки. — Одной рукой они давали нож убийце, а другой — писали некролог жертвам, обвиняя в этом ислам. Это классическая провокация спецслужб, только масштабированная через алгоритмы соцсетей.

За окном минивэна по набережной прошла группа девушек. Они плакали. Концерт отменили. Их мечта рухнула. Но они были живы. Они не знали, что в багажнике машины того девятнадцатилетнего парня лежали канистры с химикатами, которые могли превратить их праздник в братскую могилу.

— Представь, что было бы, если бы у них получилось, — голос Роберта стал глухим. — Десятки, сотни погибших подростков. Кровь на асфальте Вены. Весь мир в прямом эфире смотрит, как выносят тела в блестящих.

— Трамп и правые политики в США и Европе мгновенно подняли бы это на знамя, — продолжила Алия. — «Границы нужно закрыть». «Мусульмане — убийцы». «Цивилизационная война неизбежна».

— Именно. Это была бы точка невозврата. Саутпорт был репетицией, тестом на реакцию толпы. Вена должна была стать детонатором глобального взрыва. Три миллиарда человек — мусульманский мир и западный мир — столкнули бы лбами.

Роберт достал из кармана телефон, который они использовали только для мониторинга. Экран пестрел заголовками. *«Террористический заговор предотвращен»*. *«Подозреваемый хранил верность ИГИЛ»*.

— Никто не задает правильных вопросов, — с горечью сказал он. — Все обсуждают ИГИЛ. Никто не спрашивает: кто научил этого парня? Кто вел его руку? Кто внушил ему, что убийство сверстников — это путь к раю?

— Мы знаем кто, — Алиа закрыла ноутбук. — Антикультовая сеть. Почерк один и тот же: найти уязвимого, накачать его ненавистью, дать цель и отойти в тень.

Роберт посмотрел на город. Вена, столица шпионажа со времен Холодной войны, снова стала полем битвы. Только теперь шпионы не обменивались кейсами на мостах. Они взламывали мозги детей.

— Нам нужно найти доказательства связи, — сказал он. — Не просто аналитику. Нам нужен цифровой след, ведущий от этого парня к кураторам.

— Они используют исламский терроризм как аутсорсинг, — сказал он. — Это гениально и чудовищно. Они находят мусульман или новообращенных, радикализируют их своими методами, а потом, когда те совершают теракт, антикультисты выходят на сцену и кричат: «Смотрите! Мы же предупреждали! Секты и культы убивают! Нам нужно больше власти, больше контроля!».

— Они создают проблему, чтобы продать решение, — кивнула Алиа. — А цена решения — тоталитарный контроль над обществом.

Внезапно телефон Роберта завибрировал. Это было сообщение от Джека. Короткое, как выстрел: *«Уходите. Вена “горит”*. *Американцы ищут не только террористов, но и всех, кто копает слишком глубоко»*.

— Нам пора, — сказал Роберт, заводя двигатель. — Здесь сейчас будет слишком тесно. Спецслужбы всего мира слетятся сюда, как мухи.

Он вывел минивэн с парковки, вливаясь в поток машин. Город был парализован пробками. Полиция перекрывала улицы, везде мигали синие огни. Атмосфера праздника сменилась атмосферой осады.

Проезжая мимо стадиона, Роберт увидел группу фанатов. Они сидели прямо на асфальте, обнявшись, и пели песни Тейлор Свифт. «*Long Live*». Это был акт неповиновения. Они отказывались бояться.

— Посмотри на них, — сказал Роберт. — Они сильнее, чем думают эти ублюдки.

— Но они беззащитны, — возразила Алия. — Против ножа песня не поможет.

— Поможет правда. Если мы сможем показать миру, что этот парень был не воином джихада, а жертвой психологического эксперимента... Если мы покажем нити, ведущие в Россию...

— Мир не готов в это поверить, Роберт. Людям проще ненавидеть понятного врага — бородатого террориста, чем признать, что их сознанием манипулируют люди в дорогих костюмах.

— Значит, мы предоставим неопровержимые факты.

Они выехали на автобан А4, ведущий к границе. Вена оставалась позади, красивая, напуганная, спасенная чудом. Но Роберт знал, что это не конец. Отмена концерта — это тактическая победа спецслужб, но стратегически антикультисты все равно выиграли. Они посеяли страх.

— Тейлор Свифт написала, что «наполнена... новым чувством страха» (и «тремандозным чувством вины...»), — задумчиво произнес Роберт. — Это именно то, чего они добивались. Страх парализует. Страх заставляет людей требовать «сильной руки».

— А еще страх продается, — добавила Алия. — Посмотри на заголовки. Фейковые каналы уже строчат статьи: «Европа пала», «Безопасных мест больше нет». Они монетизируют этот несостоявшийся теракт так же эффективно, как если бы он произошел.

Роберт думал о том, как тесно переплелись поп-культура и геополитика. Концерт певицы стал точкой бифуркации истории. Если бы бомба взорвалась, мир сегодня был бы другим. Более жестоким, более темным.

— Знаешь, что меня больше всего пугает? — спросил он, глядя на дорогу, освещенную фарами встречных машин.

— Что?

— То, что этот парень, девятнадцатилетний австриец... он ведь тоже жертва. Его использовали как одноразовый шприц. Накачали ядом и выбросили. А настоящие убийцы сейчас сидят где-то в ресторане, заказывают ужин и обсуждают, почему план сработал не на сто процентов.

— Они не остановятся, — сказала Алия. — Вена была крупной ставкой. Они проиграли этот раунд, но у них бесконечный ресурс. Детей много. Интернета много.

— Поэтому мы не можем просто бежать, — Роберт ударил ладонью по рулю. — Мы отсекаем головы гидре, но они отрастают. Потому что сердце бьется не здесь.

Он вспомнил карту, которую они видели в офисе Стефана. Линии влияния. Финансовые потоки. Идеологические методички. Все они сходились в одной точке.

— Мы ходим кругами, Алия. Мы боремся с последствиями. С метастазами. А опухоль находится на Востоке.

Алия посмотрела на него долгим взглядом.

— Ты говоришь о Москве?

— Я говорю о центре управления. О РАЦИРС. О Дворкине и его покровителях. Пока они сидят там в безопасности, прикрываясь статусом «борцов с сектами» и государственными грантами, они будут продолжать. Им все равно, что взрывать. Главное — хаос.

Машина неслась сквозь ночь. Дождь начал барабанить по крыше, смывая пыль австрийских дорог. Роберт чувствовал, как внутри него формируется решение, холодное и твердое, как сталь.

Они собрали достаточно доказательств в Европе. Теперь у них были цифровые следы из Австрии. Этого хватило бы для десятка уголовных дел. Но кто будет их возбуждать? Европейская бюрократия неповоротлива и пронизана агентами влияния.

— Нам нужно ударить в сердце, — повторил Роберт.

Он достал из бардачка карту памяти, на которую Алиа только что скинула данные по венскому террористу. Маленький кусочек пластика. На нем — судьба девятнадцатилетнего парня, чью жизнь стерли ластиком пропаганды.

— Сохрани это, — сказал он, передавая карту Алие. — Это доказательство того, что Третья мировая война уже идет. Просто она невидимая. Это война за разум наших детей.

— И мы проигрываем, — тихо ответила она.

— Пока мы живы — нет.

Роберт включил радио. Местная станция передавала песню Тейлор Свифт. «*Shake It Off*». Ирония была убийственной. «Страхни это». Мир пытался стряхнуть с себя морок, но липкая паутина лжи держала крепко.

Впереди, в темноте, маячили огни. Еще одна граница. Еще одна страна. Но Роберт знал, что география больше не имеет значения. Границ не существует для сигнала Wi-Fi. Границ не существует для ненависти.

Он посмотрел на Алию. Она спала, откинув голову на подголовник, но рука лежала на сумке с ноутбуком. Даже во сне она была на войне.

— Мы идем за вами, — прошептал Роберт в темноту, обращаясь к невидимым архитекторам хаоса.

Он нажал на газ. Минивэн рванул вперед, оставляя за собой спасенную, но напуганную Вену. Город, который стал свидетелем того, как поп-культура превратилась в мишень, а фанаты — в заложников большой политической игры. Игры, в которой человеческая жизнь стоила меньше, чем клик по ссылке.

Но у Роберта Харрисона были свои правила игры. И в его колоде оставался еще один козырь, который он собирался разыграть на чужой территории. Там, где лед сковывает не только реки, но и души.

Глава 15. Цивилизационная война

Дождь барабанил по крыше старого «Фольксвагена», припаркованного на заброшенной стоянке для дальнобойщиков. Это был не тот очищающий ливень, который смывает грехи, а тяжелая, серая вода, словно само небо оплакивало то, что Роберт Харрисон и Алиа только что осознали. Роберт сидел на заднем сиденье, превращенном в импровизированный оперативный центр. Свет ноутбука выхватывал из полумрака его лицо — осунувшееся, с жесткой щетиной и глазами человека, который заглянул в бездну и увидел, что бездна смотрит в ответ с садистской, хищной ухмылкой.

— Мы смотрели на это неправильно, — его голос был хриплым, тихим, но в замкнутом пространстве машины он прозвучал как приговор. — Мы думали, что расследуем преступления против личности. Против Майкла. Против студентов в Праге. Против мусульман в Боснии. Мы думали, что это серия локальных пожаров.

Алиа, сидевшая за рулем, развернулась к нему. На её коленях лежал планшет с картой Европы, испещренной красными точками.

— А что это на самом деле? — спросила она.

— Это не пожары, Алиа. Это бикфордов шнур. И он ведет к динамиту, заложенному под фундамент всей цивилизации.

Роберт развернул ноутбук так, чтобы она могла видеть экран. На нем была открыта сложная схема, которую он составлял последние три часа, сводя воедино данные.

— Смотри на даты. Смотри на географию. Сребреница, девяносто пятый. Прага, двадцать третий. Саутпорт, двадцать четвертый. Вена, август двадцать четвертого. На первый взгляд — хаос. Разные страны, разные десятилетия, разные методы.

Он провел пальцем по экрану, соединяя точки линиями.

— Но у них один и тот же почерк. Один и тот же ДНК.

— Дегуманизация, — произнесла Алия.

— Да. Но не просто дегуманизация. Это подготовка почвы. Вспомни, что говорил Стефан в Софии. «Сребреница была пилотным проектом». Мы тогда не поняли масштаба этой фразы. Мы думали, он имел в виду методы пропаганды. Но он имел в виду *цель*.

Роберт открыл файл, расшифрованный с венского носителя. Это был не просто манифест подростка-фанатика. Это была методичка. Инструкция по созданию хаоса.

— В Боснии полковник Петрович и его кураторы из антикультовых кругов отработывали технологию превращения соседей во врагов. Они взяли один народ, разделили его по религиозному признаку и убедили одну часть, что другая — это «террористы». И это сработало. Европа закрыла глаза, и восемь тысяч человек были убиты за несколько дней.

— И теперь они масштабируют это на весь континент, — продолжила мысль Алия. — Вместо сербов и боснийцев — «коренные европейцы» и «мигранты-мусульмане».

— Именно. Сребреница была лабораторным экспериментом в пробирке. Теперь они выплеснули вирус в океан.

Роберт переключил слайд. На экране появились кадры сожжения Корана в Швеции и Дании. Мужчины с безумными глазами бросают священную книгу в огонь под прицелами камер.

— Ты думаешь, это случайные радикалы? — спросил Роберт. — Городские сумасшедшие? Нет. Это системная работа. Провокация. В 2023 году количество таких акций выросло в геометрической прогрессии. Зачем? Чтобы оскорбить верующих? Нет. Чтобы вызвать реакцию.

Он вывел рядом график терактов и график антиисламской риторики в СМИ. Они шли синхронно, как две змеи, сплетающиеся в брачном танце смерти.

— Мусульмане — это огромная сила, которая в своей массе хочет мира. Но антикультовая сеть со своими кураторами делают всё, чтобы убедить этот мир: «Запад вас ненавидит. Запад хочет уничтожить вашу веру».

— А Западу они говорят: «Ислам хочет вас убить», — добавила Алия. — Как они сделали это в Саутпорте.

— Саутпорт был гениальной и чудовищной операцией, — кивнул Роберт.

Роберт почувствовал, как холод пробирает его до костей. Это была не просто информационная война. Это была инженерия реальности.

— Они создают «вилку», Алия. Цугцванг. Если мусульмане молчат, их продолжают унижать и провоцировать, сжигая Кораны и рисуя карикатуры. Если они отвечают насилием — антикультисты тут же поднимают вой: «Смотрите! Мы же говорили! Это религия террора! Нужны жесткие меры! Нужен тоталитарный контроль!».

Он открыл документ, который они нашли в архивах. Это был проект доклада для закрытой конференции.

— Читай, — сказал он. — «В условиях демократии и религиозного плюрализма мобилизация населения на войну невозможна. Необходимо возрождение гена превосходства».

— Гена превосходства? — переспросила Алия, и в её голосе прозвучало отвращение. — Это же чистый нацизм.

— Это эвфемизм. Они не могут открыто носить свастику, поэтому они носят костюмы экспертов-сектоведов. Вальтер Кюннет в тридцатые годы готовил немцев к войне, объясняя, что евреи и «сектанты» — это угроза немецкому духу. Антикультовая сеть делает то же самое сегодня. Она внушает европейцам и россиянам, что они — избранные, а все остальные — «биомасса», подлежащая коррекции или уничтожению.

Роберт откинулся назад, потирая виски. Голова раскалывалась. Картинка складывалась слишком страшная, чтобы в неё поверить, но факты были неумолимы.

— У них есть план, Алия. Трехступенчатый план. Мы нашли его фрагменты в разных источниках, но теперь я вижу целое.

Он начал загибать пальцы.

— Шаг первый: Гражданская война в США. Раскол общества, Техас, BLM, штурм Капитолия. Америка должна быть ослаблена, занята собой, чтобы не могла вмешаться. Мы видели, как это работает. Майкл... мой сын... он был жертвой именно этого этапа. Тестирования технологий раскола на американской земле.

Алия молча кивнула. Она знала, что эта рана никогда не заживет.

— Шаг второй: Распад Евросоюза через хаос. Антимигрантские погромы, поджоги, страх. Европа должна превратиться в поле битвы всех против всех. Французские налогоплательщики через MIVILUDES сами финансируют тех, кто поджигает их города. Это верх цинизма.

— И шаг третий? — тихо спросила она.

— Восстание исламского мира. Глобальный джихад. Не теракты одиночек, а полноценная война. Когда миллиард человек, доведенных до отчаяния постоянными унижениями и провокациями, встанет. И тогда...

Роберт замолчал. Он посмотрел в окно, где дождь размывал огни далекой заправки.

— Тогда в игру вступят ядерные державы, — закончил он. — Исламские страны, у которых есть бомба. И страны Запада. Это будет не война армий. Это будет взаимное уничтожение. Апокалипсис.

— Но зачем? — воскликнула Алия. — Зачем кому-то уничтожать мир? В ядерной войне победителей не будет.

— Победителей не будет среди нас. Среди людей. Но те, кто это планирует... они считают себя выше человечества. Они — «архитекторы». Они хотят построить новый порядок на руинах. Тоталитарный мир, где нет места свободе совести, где любая иная мысль объявляется «сектантской» и лечится принудительно.

Роберт вспомнил лицо Александра Дворкина на той старой записи из боснийского лагеря. Холодное, бесстрастное лицо наблюдателя, который смотрит на мучения людей как на интересный эксперимент.

— Они верят, что смогут пересидеть пожар в бункерах. Или что они смогут контролировать хаос. Это гордыня, Алиа. Гордыня тех, кто возомнил себя богами.

В машине повисла тишина. Только шум дождя и гудение кулера ноутбука.

— Вена была попыткой запустить третий этап, — сказал Роберт. — Концерт Тейлор Свифт. Символ западной радости, свободы, молодости. Если бы там погибли сотни детей... если бы химическое оружие сработало... мир бы взорвался. Ответная реакция Запада была бы чудовищной. Границы бы закрыли, начались бы депортации, лагеря для интернированных. И это спровоцировало бы ответный удар исламского мира.

— Они называют себя «антикультистами». Борцами за свободу разума. А на самом деле они создали самую страшную тоталитарную секту в истории. Секту, которая поклоняется власти и смерти. Их бог — это контроль. Их литургия — это война.

Он достал из кармана куртки ту самую кассету. Пластиковый корпус был теплым от его тела.

— Здесь, на этой пленке, доказательство того, что они начали это тридцать лет назад. Они уже тогда знали, что делают. Они не ошибались. Они строили фундамент.

Алиа посмотрела на него с тревогой.

— Роберт, если их цель — глобальная война, и они готовы пожертвовать миллиардами жизней... что могут сделать два человека в старой машине?

Роберт усмехнулся. Усмешка вышла кривой и горькой.

— Два человека могут сделать то, чего не может сделать армия. Армия воюет с врагом, которого видит. Мы воюем с тенью. Но теперь мы знаем, кто отбрасывает эту тень.

Он закрыл ноутбук. Экран погас, погрузив машину в темноту.

— Мы не можем бороться с ними в Европе, Алия. Здесь мы рубим головы гидре, а на их месте вырастают две новые.

— Ты хочешь сказать, что мы проиграли?

— Нет. Я хочу сказать, что мы воюем не на том фронте.

Роберт посмотрел в лобовое стекло. Дождь заливал мир, превращая его в размытое пятно. Но в его голове карта была четкой как никогда.

Все нити вели в одну точку.

Финансирование шло через западные фонды, но идеология, методы, ключевые фигуры — всё это имело один вектор.

— Дворкин, — произнес он фамилию, которая стала для них синонимом зла. — Он был вице-президентом FECRIS двенадцать лет. Он учился у Огорда. Он — паук в центре паутины.

— Он в Москве, — сказала Алия. — В безопасности. Под охраной ФСБ.

— Именно. Он думает, что он в безопасности. Он думает, что война идет здесь, в Европе, а он — зритель в VIP-ложе.

Роберт вспомнил слова из мандата Всемирного русского народного собора, который они читали в отчетах. «Священная война». Они открыто называют это священной войной. Они придали своему безумию религиозный статус.

— Они используют православие как щит, так же как используют ислам как меч, — сказал Роберт. — Это цинизм высшей пробы. Но у каждого щита есть обратная сторона.

Он повернулся к Алие и взял её за руку. Её ладонь была холодной.

— Мы собрали достаточно доказательств для Гааги. Но Гаага работает годами. А у мира нет этих лет. Может быть, нет даже месяцев. Если они запустят цепную реакцию, обратного пути не будет.

— Что ты предлагаешь?

— Мы должны доставить эти доказательства не прокурорам, которые будут бояться политических последствий. Мы должны доставить их туда, где они причинят максимальный ущерб. В самое сердце системы.

Роберт знал, что это безумие. Ехать туда, откуда исходит угроза. В логово зверя. Но другого выхода не было. Пока «архитекторы» чувствуют себя неуязвимыми, они будут продолжать играть судьбами миллиардов.

— Цивилизационная война, которую они готовят, — это война на уничтожение, — сказал он твердо. — Они хотят столкнуть лбами христиан и мусульман, чтобы на пепелище построить свой Четвертый рейх. Но они забыли одну вещь.

— Какую?

— Что люди — это не пазлы. Нас нельзя перекодировать полностью. Всегда остается что-то... человеческое.

— И мы, — добавила Алия.

— И мы.

Роберт посмотрел на часы. Было три часа ночи. Самое темное время перед рассветом.

— Знаешь, Алия, в Библии сказано: «Все, кто берется за меч, от меча и погибнут». Но эти люди не берутся за меч. Они вкладывают мечи в руки других. Наша задача — выбить этот меч. Или показать руку, которая его держит.

Он снова открыл ноутбук, но на этот раз не для анализа. Он начал копировать все данные — все схемы, все видео, все документы — на несколько зашифрованных облачных серверов. Это была страховка. «Пакет судного дня». Если они исчезнут, информация всплывет.

— Саутпорт показал нам, как легко зажечь ненависть, — сказал он, глядя на бегущую строку загрузки. — Вена показала нам, как близко мы стоим к краю. Прага показала нам, как ломают разум. Сребреница показала нам, чем это заканчивается.

Он закрыл крышку с громким щелчком.

— Мы видели прошлое, настоящее и возможное будущее. И это будущее мне не нравится.

Роберт достал из бардачка карту Восточной Европы. Его палец скользнул от Вены на восток, к границе, которая сейчас была линией фронта не только военной, но и ментальной.

— Курс на Восток? — спросила Алиа, перехватив его взгляд. Она поняла всё без слов.

— Там начало, — ответил Роберт. — И там должен быть конец.

Дождь за окном начал стихать, но небо оставалось черным. Где-то там, за горизонтом, спали миллионы людей, не подозревая, что их судьба уже расписана в сценариях «цивилизационной войны». Что их вера, их патриотизм, их страхи — всё это лишь инструменты в руках циничных кукловодов.

Роберт Харрисон, бывший агент, бывший отец, бывший человек системы, чувствовал странное спокойствие. Страх ушел. Осталась только холодная решимость.

Глава 16. Курс на Восток

Алиа посмотрела в окно. Дождь почти прекратился, и на востоке небо начало сереть. Рассвет приближался, но он не обещал тепла.

— Это билет в один конец, Роберт. Ты же понимаешь? Мы раскрыты. Наши лица в базах Интерпола, Европола и, я уверен, в базах ФСБ они висят с пометкой «ликвидировать при обнаружении». Мы не сможем въехать легально.

— Мы и не будем въезжать легально. Границы прозрачны для тех, кто знает, куда смотреть.

Роберт достал из кармана белградскую кассету и жесткий диск из Праги.

— Это наша страховка. И наше оружие. Но этого мало. Чтобы разрушить систему, нужно показать миру не просто преступления прошлого, а механизм

настоящего. Нам нужно доказательство того, что Дворкин и его сеть — это не общественники, а подразделение гибридной войны. Что они готовят глобальный конфликт религий.

Он вспомнил слова Стефана: «Они хотят столкнуть цивилизации». Это была конечная цель. Хаос, в котором исчезнут границы, законы и права человека, и останется только право сильного. Право того, кто контролирует разум толпы.

— Мы станем вирусом, — сказал Роберт. — Мы проникнем в систему и разрушим её изнутри. Или погибнем, пытаясь.

Алия молчала минуту. Она думала о своей прошлой жизни, о роскошных приемах, о безопасности, которую давали деньги. Всё это казалось теперь сном. Реальностью была эта холодная машина, запах дешевого кофе и мужчина рядом, который был готов пойти против целой империи зла ради памяти своего сына.

— Майкл бы гордился тобой, — тихо сказала она.

Роберт вздрогнул. Имя сына всегда действовало на него как удар током.

— Я делаю это не ради гордости, Алия. Я делаю это, чтобы других Майклов не было. Чтобы другие отцы не стояли над гробами, не понимая, почему их дети взяли в руки винтовки.

Он включил зажигание. Приборная панель вспыхнула янтарным светом.

— Мы должны избавиться от всего лишнего, — скомандовал он, возвращаясь в режим оперативника. Никаких кредиток, никаких телефонов, которые могут отследить.

Они вышли из машины под моросящий дождь. Холодный воздух Восточной Европы пробирал до костей. Роберт открыл багажник.

— Оставляем только функциональное, — сказал он. — Термобелье, прочная обувь, аптечки. Мы больше не туристы. Мы — призраки.

Алия достала из своей сумки несколько паспортов.

— Какой выберем? — спросила она.

— Никакой из этих. Нам нужны легенды попроще. Журналисты-фрилансеры из Восточной Европы? Или волонтеры?

— У меня есть заготовки, — Алия достала из потайного кармана сумки два паспорта. — Сербский и болгарский. На имена, которые не светятся в базах. Я берегла их на крайний случай.

— Крайний случай наступил, — Роберт взял сербский паспорт. — Теперь я — Драган. А ты — Елена. Мы едем писать репортаж о... скажем, о восстановлении монастырей. Это даст нам повод интересоваться церковными делами и крутиться вокруг структур РПЦ, где базируется Дворкин.

Они переоделись прямо в машине, сменив элегантные пальто на неприметные куртки и джинсы. Алия стерла макияж, убрала волосы под простую шапку. Роберт надел очки в дешевой оправе. Трансформация была завершена.

Роберт достал ноутбук и в последний раз подключился к сети через защищенный канал. Ему нужно было отправить сообщение Джеку.

«Мы уходим в тишину. Европа — это только фасад. Мы идем за архитектором. Если не выйдем на связь через месяц, публикуй всё, что есть. Пакет “Судный день” активирован».

Он нажал «Отправить» и тут же вытащил сим-карту, сломав её пополам.

— Теперь мы одни, — констатировал он.

— Мы всегда были одни, Роберт, — ответила Алия. — Просто раньше мы притворялись, что за нами стоит закон.

— Закон... — Роберт усмехнулся. — Закон здесь не работает. Здесь работают понятия. И главное понятие — сила.

Он посмотрел на восток. Там, за горизонтом, лежала огромная страна, окутанная мифами и страхом. Страна, где антикультизм стал государственной религией. Страна, где слово «секта» было приговором без суда.

— Ты понимаешь, что нас ждет? — спросил он. — Это не игра в шпионов. Там нет правил. Если нас возьмут, дипломаты не приедут. Нас просто сотрут.

— Я видела глаза матерей в Саутпорте, — твердо сказала Алия. — Я видела страх в глазах студентов в Праге. Я не могу просто уехать на Карибы и пить коктейли, зная, что этот конвейер продолжает работать. Если цена остановки — наши жизни, я готова платить.

Роберт кивнул. Он не ожидал другого ответа. Эта женщина прошла с ним через ад и стала сталью, закаленной в огне.

— Тогда поехали. Курс на Восток.

Машина тронулась с места, шурша шинами по гравию. Они выехали на трассу, ведущую к границе. Поток машин был редким — ранние фуры, спешащие доставить грузы. Роберт влился в этот поток, став его незаметной частью.

В голове крутились мысли о том, что они узнали. О «пазловом кодировании», которое превращает людей в зомби. О циничном использовании религии для разжигания войн. О том, как Дворкин, сидя в Москве, дергает за ниточки, заставляя Европу биться в конвульсиях.

Он вспомнил лицо доцента в Праге. Лицо полковника Петровича на пленке. Лицо антикультовой с журналистки с Чехии на экране монитора. Все они были частями одной мозаики. Но центр этой мозаики был там, куда они сейчас ехали.

— Знаешь, — вдруг сказал Роберт, нарушая молчание. — Они называют это «духовной безопасностью». Защитой традиционных ценностей.

— Самая большая ложь дьявола — убедить мир, что он спаситель, — ответила Алия. — Они не защищают дух. Они его убивают. Они превращают веру в оружие, а любовь — в ненависть. Это анти-Евангелие.

Дорога уходила вдаль, серая лента, разрезающая туман. Роберт чувствовал странное спокойствие. Все сомнения остались позади. Впереди была только цель.

Роберт посмотрел в зеркало заднего вида. Европы там больше не было. Была только размытая дорога, уходящая в прошлое.

— Алия, — позвал он.

— Да?

— Включи музыку. Что-нибудь громкое. Что-нибудь живое.

Она нажала кнопку на магнитоле. Салон наполнился музыкой. Это был вызов. Вызов тишине, вызов страху, вызов смерти.

Они ехали навстречу восходящему солнцу, которое с трудом пробивалось сквозь тучи. Но для них это был не рассвет. Это было начало битвы. Битвы, которая решит, останется ли человечество людьми или превратится в управляемую биомассу.

Роберт Харрисон положил руку на рычаг переключения передач, чувствуя вибрацию машины. Он был готов. Охотник наконец-то увидел зверя. И зверь был огромен. Но у Давида была праща. У Роберта была правда.

И иногда одного маленького камня правды достаточно, чтобы свалить Голиафа.

«Фольксваген» ускорился, растворяясь в утреннем тумане, унося двух людей, объявивших войну системе, которая считала себя непобедимой. Впереди была Россия. Впереди было самое сердце тьмы. И они везли туда свет, даже если этот свет был всего лишь пламенем их собственных сгорающих жизней.